

АНДРЕЙ РЕСПОВ



ЧЕБЫТТИЕ
КОВЕФ

Эскул

Андрей Респов
Небытие. Ковен

«Топ Груп Бук»

2020

Респов А.

Небытие. Ковен / А. Респов — «Топ Групп Бук», 2020 — (Эскул)

Конец игровой реальности. Мир утратил своих электронных Богов. Четыре такие разные и неизменно прекрасные женщины в новой реальности Небытия. Что ждёт их в Мире, в котором мужчины могут лишь научиться магии, а будущие Ведьмы Ковена обладают ей от рождения... Героини: девушка Инфа со звёздного Ковчега, орчанка и Ведьма Гергудрун Неистовая, бывшая Богиня Тёмных Эльфов Лоос и огнерождённая дочь народа Шаранг Ардара. Небытие прогнётся под них... А мы посмотрим.

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Nauthiz	10
Глава вторая. Inguz	20
Глава третья. Uruz	28
Глава четвёртая. Nauthiz	36
Глава пятая. Inguz	46
Глава шестая. Inguz и Uruz	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Андрей Респов

Небытие. Ковен

Пролог

Тихий смотрелся, как всегда, величественно и непоколебимо. Над Индийским природа затевала тайфун и облачность не давала возможности полюбоваться полуостровом.

Миллиарды лет планета неслась в пространстве, запущенная неведомым замыслом. На обзорных экранах северной галереи станции «Селена» всегда открывался лучший вид на планету.

Иван Переверзев в этот раз выбрал этот путь, рискуя опоздать на доклад к командору-прима Восточного Сектора орбитальной группировки Содружества. Надо было обдумать планы на сегодняшний день. А вид планеты всегда влиял на капитана благотворно.

Очередной рабочий день на орбите. После долгого пребывания в виртуальности тесные коридоры и каюты станции навевали тоску. Хотелось снова залезть в шкуру Кисы Безобразника. Но служба есть служба. Тем более, что в её монотонном течении сейчас наметились интересные перспективы.

В тысячный раз любясь разнообразием оттенков поверхности самого большого океана Земли, капитан-командор не переставал прокручивать в голове утренний доклад дежурного по Восточному сектору. Третий месяц напряжённого ожидания последствий неожиданно прокатившегося катаклизма, заставившего все службы работать на пределе возможностей.

Разведотдел впервые оказался на голодном информационном пайке. Все попытки высадиться на поверхность продолжали заканчиваться мгновенным исчезновением посадочных модулей на высоте ста километров. Ни один автоматический зонд после двух пропавших отрядов десантников не дал о себе знать. Полная неизвестность... и раздражающий золотой нимб на границе стратосферы. Игры вселенной...

Визуальное наблюдение посредством телескопов и оптических преобразователей позволило беспрепятственно рассмотреть все интересующие объекты. Волновое и гравитационное сканирование, даже дистанционное радиоподключение к электронным системам удалось без труда. А материальные объекты, чёрт возьми, продолжают и продолжают исчезать!

Мистика какая-то... Казалось бы, эпохальное событие! Подарок обречённому человечеству. Ни с того, ни с сего, в одно прекрасное время суток, Система умерла, если такое можно сказать об ИскИне, терроризировавшем человечество почти сотню лет. Остатки хозяев планеты вынуждены были бежать на орбиту и влачить жалкое существование, в борьбе за жизнь и ресурсы.

По непонятным причинам, 27 августа 2563 года от Р.Х. или 73 года от Начала Исхода, вся заблокированная Системой электроника ожила! Как будто невидимая сила стёрла с электронных носителей все ИскИны планеты. У горстки прозябавших на орбите людей появилась надежда вернуться к нормальной жизни...

Но Земля осталась недосягаема для людей... Вот она, на всех экранах. Такая близкая и такая далёкая.

Иван вспомнил свою последнюю миссию на Земле по вербовке союзников в виртуальном пространстве Системы. Кто бы мог подумать, что у искусственного интеллекта появится возможность дотянуться через время и пространство в параллельную реальность и перенести человеческую нейроматрицу из иного мира?! Да ещё и заставить её на себя работать! Эх, а какие перспективы сулила вербовка... Всё коту под хвост!

Переверзев нажал на клавишу разблокировки очередного шлюза. Створка, чуть скрипнув, отъехала в сторону. Старая добрая автоматика, примитивные процессоры... Суеверный страх жителей орбиты привёл к тотальному запрету на использование ИскИнов в космосе, что серьёзно затрудняло работу инженерной, транспортной, навигационной и аварийных служб. Вычислительные мощности упали на порядок. Люди терпели неудобства лишь бы защитить свой небольшой мирок от посягательства *Diabolus Ex Machina*...

– Павел Афанасьевич, можно? – рубка командора-прима Монахова была одним из самых больших помещений станции Селена.

– Заходи, Иван, чистого воздуха. Обедал?

– Чистого воздуха. Не успел ещё, с утра у телеметристов просидел. Сами знаете, готовим на расконсервацию «Надежду Евразии».

– Да и у меня маковой росинки... Астрофизики среди ночи подняли... – глаза Монахова загадочно блеснули из-под кустистых бровей.

– Что? Павел Афанасьевич, не томите...

– У них вернулся разведывательный зонд с границы зоны «Зеро»... и даже с целой аппаратурой!

– Да вы что! Неужели есть результат?

– Есть, Ваня, есть. Аномалия, не позволяющая проникнуть на поверхность Земли изменяется. Я не всё понял из доклада, но она, как бы, истаивает. Появляются бреши, истончения и по прогнозам физиков дней через десять полностью исчезнет.

– Эх, хорошо бы... Неужели вернёмся домой, Павел Афанасьевич?

– Вернёмся, куда мы денемся? Ты ведь на орбите родился, а, капитан? Да чего я спрашиваю? Конечно, на орбите... а мне, веришь, Земля уже и снится перестала. Вот такие пироги. Так что, в свете новых данных, ситуация с прибывшей «Надеждой Евразии» становится стратегически архиважной! Мда... кто бы мог подумать... Это уже третий Ковчег за последние десять лет, который возвратился домой.

– В эпохальный период живём, Павел Афанасьевич. А почему Ковчег так важен для возвращения?

– Эх ты, разведка! Во-первых, нам его энергоустановки во как нужны! – командор-прима чиркнул себя большим пальцем над воротом служебного комбинезона, – во-вторых, как доложили корабельные инженеры, у «Надежды Евразии» на борту полста челноков с сотней пассажирских мест в каждом! Вот и посчитай, какой единовременный десант при нашем дефиците топлива можно высадить... а в-третьих, самый главный ресурс...

– Мои аналитики осторожничают, этот корабль в двое больше предыдущих. Шутка сказать: девяносто три года автономного полёта. Да ещё не меньше десяти лет пребывания в фокус-системе.

– Нда... пообщался я тут с экипажем. Ты знаешь, Иван, что на корабле не осталось ни одного представителя мужского пола?

– Обижаете разведку, Командор...

– Я имею в виду, что даже в анабиозных отсеках только женщины. Тридцать восемь тысяч спящих девочек, девушек и женщин. И полсотни экипажа! Твою мать, Переверзев, чем мы будем кормить всех этих амазонок?!

– А если распределить их не только на Селену, но и на станции Цуки, ЧаньЭ и Аль-Лат? Сами сказали, ресурс! Скоро доступ на Землю будет открыт. Это же готовые колонисты. Образованные, обученные, закалённые в звёздных далях.

– Ой, насмешил меня, Иван! Вещаешь, как сенатор Тогава. Но ему простительно, он гражданский. А разведчик должен оперировать строго материальными категориями. Китайцам и арабам своих ртов хватает, они с предыдущими ковчегами до конца не разобрались, вот и радуются, что Восточный Сектор взял под крыло «Надежду Евразии». Мы, конечно, про-

блему решим, не впервой. Но не сразу, не сразу... Пусть пока полежат, спящие красавицы. Заодно, наши генетики разберутся с их наследственными аномалиями. Дальний космос, не шутки шутит... вон каким подарочком наградил! Если бы ты знал, Переверзев, как с этими бабами общаться тяжело... Ну да ладно, перемелется. Ты план по разведке и расконсервации стратегических объектов на планируемой территории высадки составил?

– Да, Командор, сегодня вечером будет у вас полностью со ссылками и раскладкой действующих автоматических фабрик восточного полушария между сорок пятой и пятьдесят пятой параллелью. Техникам удалось запустить дистанционно уже три. Два с синтезом пищевых концентратов и один топливно-энергетический.

– Ай, молодец, Ваня, порадовал! Скорее бы вернуться... Жаль, Максимка не дожил... – лицо командора-прима осунулось и как-то постарело на десяток лет. Иван тактично промолчал, помня, что одной из жертв стоп-поля над планетой стал сын Монахова. – Ты вот ещё что, капитан, выдели людей в помощь аварийщикам и энергетикам. Они сегодня утром приступили к расконсервации и включению в единую энергосеть силовых установок «Надежды Евразии». Твоим спецам пока делать всё равно нечего, пусть проконтролируют обнуление ИскИнов ковчега... и... это... поосторожнее с экипажем. Тётки жёсткие, как реликтовое излучение. А нам с ними ещё Землю осваивать, уживаться как-то...

– Добро, Павел Афанасьевич! Постараемся. Мои офицеры только рады будут.

– Но-но! Капитан, вы мне там без кобелирования. Поаккуратней. Ты, что, их совсем не видел, что ли?

– Ну почему? Просмотрел полный видеотчёт, да и трансляция о стыковке и встрече была на все станции...

– Понятно, разведчик... Предупреди своих гусар. Дамы из экипажа провели десятки лет в корабле с генерацией искусственного притяжения в 1,5g! Даже самая слабая из них, согнёт в бараний рог любого твоего оперативника! Вы привыкли на орбитальной станции к 0.9g. Только не говори мне про командировки на Землю! Вы там всё больше в нейрораннах пребывали, да по виртуальности шастали...

– Ого!

– Вот тебе и «ого». А ещё дамы в анабиозе не просто овощами лежали. На этом ковчеге впервые использовалась система обучения в виртуальном пространстве, приближённая к боевым условиям. Они космодесантники, Иван. Пусть и без реального опыта, но со всеми подготавливающими знаниями и навыками. Учти это, Переверзев. Нам с этими амазонками сотрудничать надо. Чует моя задница, их прибытие даёт нам серьёзный шанс на выживание там, внизу, на планете... Человечество возвращается на Землю, мы практически должны возродить цивилизацию. А космическое провидение прислало к нам этих женщин. И каких!

В этот самый момент освещение в каюте командора мигнуло, снизило яркость свечения на целую минуту, затем вспыхнуло с прежней интенсивностью. По полу и переборкам пробежала волна вибрации.

Над управляющей панелью в углу вспыхнул монитор экстренной связи, тревожный зуммер заставил заныть зубы капитана. Благожелательное настроение вмиг слетело с командора-прима:

– Дежурный, доклад! – не смотря на спокойный голос, лицо Монахова побледнело. Любая аварийная ситуация на орбите – это гибель людей. А их осталось так мало.

– Взрыв на шестой палубе «Надежды Евразии». Жертв среди персонала нет. Патиссон говорит, что предупредил о старых коммуникациях, не выдержали нагрузки.

– Ох уж мне этот Патиссон, даром, что вундеркинд... Какие повреждения, дежурный?

– Со стороны станции обрыв двух энергопроводов... пожар в четвёртой шлюзовой, уже потушили. Стоп. Докладывают монтажники. Сработала аварийная система сброса анабиозных капсул.

– Что значит сработала?! Вы что, там, охренели!? Почему системы ковчега до сих пор не обесточены?!

– Патиссон подсказывает, что аварийная система сброса шестой палубы полностью автономна от ИскИнов ковчега и срабатывает на любую угрозу разрушения корпуса вблизи гравитационной системы планет...

– Мда, не учли, не тяни, лейтенант.

– Произошёл сброс семи анабиозных блоков с капсулами. Их навигационные процессоры в настоящий момент выдали импульсы на маневровые посадочные двигатели...они идут к Земле, командор...

– Да я вас...с Патиссоном и всей сменой...мммать! Астероидный пояс пылесосить будете, криворукие! Быстро мне связь с контрольным постом!

Монитор мигнул, картинка сменилась изображением шлюза, в котором застыла группа людей в скафандрах.

– Капитан Покобатько! Здесь командор. Что предпринимается для возвращения анабиозных блоков?

– Командор...что я могу? Выйдем наружу...погладим... попытаемся зацепить гравитационными фалами... но шансов... ноль в периоде. Они ускоряются, и гравитация... Можем просто не успеть. Полёты к Земле на управляемой технике запрещены вами же. Так что, попробуем, что получится. До связи...

Картинка погасла.

– Наглец! Ты воспитал, Переверзев? Всех на губу...нет вечными дежурными! Охренели, молокососы... Чего ржёшь? Там, между прочим, в капсулах наши амазонки. И если твои бравые космопроходимцы их не тормознут, сам будешь разговаривать с их капитаном! Что? Уже не смешно? Правильно. Давай пулей, даю карт-бланш на использование командорского катера. У него есть гравизахваты. Хоть кого-то спасём...

* * *

Спустя два часа в командорской каюте за столом в тягостном молчании расположились несколько человек. Монахов нервно барабанил по панели управляющего монитора. Капитан Переверзев сидел с неестественно выпрямленной спиной, уставившись взглядом в переборку и избегая смотреть на присутствующую здесь даму в давно забытой и архаично смотревшейся форме ОКС Земли.

Суровые складки залегли в уголках рта миловидной женщины, которой на вид можно было дать не более сорока лет. Голова, полностью лишённая волос, отсутствие бровей и ресниц смотрелись несколько экзотично, но общего впечатления не портили. Наконец, неловкую паузу прервала гостья:

– Спасибо, капитан. Вам и вашим людям, – низкий голос с приятной хрипотцой заставил разведчика очнуться от созерцания.

– Мы всё же потеряли два анабиозных блока, они ушли в аномалию первыми, ресурса не хватило.

– Не надо оправдываться, капитан. Мы все прекрасно понимаем нештатность ситуации. Со своей стороны, приношу извинения и...примите соболезнования, командор-секунда, – Монахов потёр с досадой небритую щеку.

Гостья встала из-за стола, коротко кивнула офицерам:

– Космос взял свою цену. Командор, капитан, чистого воздуха... – капитан ковчега направилась к выходу.

– Простите, командор Маркус, как звали погиб... пропавших членов экипажа? – капитан-командор старался сохранять хладнокровие.

– Зачем вам их имена, Переверзев? – нахмурилась гостья.

– Орбитальщики парни суеверные. Если доказательств гибели ваших женщин нет, то заказываем молебен за здравие в часовне станции. Помогает, проверено.

На лицо командора-секунда набежала лёгкая тень:

– Мы не религиозны... но, впрочем, хуже всё равно не будет. В тех капсулах были курсанты-космодесантники Астра Корева, личный номер 11360 и Информация Маркова личный номер 11361... Астра и Инфа, обеим по шестнадцать биологических лет... Вот так, капитан-командор Переверзев, чистого воздуха...

Глава первая. Nauthiz

Велика и необъятна земля Шаранг. Можно месяц идти на закат и столько же на восход, пока не встретится тебе клочок благословенной зелени оазиса. Да и землёй этот океан белого песка назвать трудно. Днём, когда беспощадное солнце выжигает всё живое на барханах и заставляет караваны вяло плестись от селения к селению, можно изредка встретить беловолосых всадников на фарангах, которым нипочём ни горячий песок, ни убийственные лучи небесного светила.

Лишь ночью, когда пустыня остывает под причудливым светом трёх лун, на песке появляется множество следов обитателей этих мест. Жизнь, едва теплящаяся днём, ночью расцветает, как Царская Водохлёбка, что умудряется добывать воду прямо из вечернего воздуха.

Предрасветные сумерки на границе Великой Степи и Белой пустыни Шаранг наполнились звуками каравана. Чёрные орки, нечастые гости этих мест, не побрезговали завезти сюда свой товар.

В степи, в отличие от родной пустыни Южного Континента, для Чёрных орков было достаточно самой разнообразной еды. Поэтому, большинство пленников, угодивших в лапы клыкастых разбойников, не попадали в походные котлы, а отправлялись на пограничные рабские рынки, где и реализовывались за полновесное золото. А имея золото, Чёрные орки охотно меняли свои гастрономические предпочтения...

Разбойники Южного Континента предпочитали фарангам степных низеньких лошадок. В выносливости те значительно уступали ящерам, но обходились не в пример, дешевле в кормёжке. А всем, от Западного Океана до Срединных Гор известно, что легче у гоблина выклянчить медяк, чем у Чёрного орка кусок тухлого мяса.

Кентурий Бордах, которому Имперский Совет поручил этот караван с хумансами, предназначенными на продажу в Эль-Каре, пребывал в тоскливом расположении духа. Даже свежая фанка, так кстати прихваченная с галеры, что осталась дожидаться на берегу Радужного моря на краю степи, не приносила ожидаемого расслабления и не успокаивала так надоевшее жжение загнивающей плоти правого бедра.

Слава Великим духам, Бордаху чудом удалось выбраться живым из бесславной битвы у Варрагона. Проклятые хумансовы маги! Коварные альвы, загребающие жар чужими руками...

Каждую ночь снились Бордаху кошмары. Огонь окружал его повсюду, заставлял запекаться доспех и лопаться кожу. Кентурий снова и снова вскакивал в холодном поту и тянулся к бурдюку с отвратной брагой из кобыльего молока, из-за которой приходится пять раз на дню останавливаться и бежать в барханы, стаскивая штаны.

Духи милостивы, к вечеру доберётся караван до оазиса. Там шаман снова намешает вонючей мази и до утра нога перестанет болеть... Что за проклятые духами места? Ни целителя, ни цирюльника...

Сначала казалось, что рана от стрелы заживёт быстро, как обычно бывало в стычках с враждебными кланами. Достаточно было приложить жёваную фанку, примотать тряпицей и всё. Ан нет...

Нынешняя рана не нравилась Бордаху, чернота плоти вокруг неё пребывала день ото дня. А хитрый шаман пожимал плечами и бубнил что-то маловразумительное о милости духов. Сокланы и наёмники в караване сторонились раздражённого кентурия и старались не попадаться лишней раз ему на глаза.

Внезапно дрёму нарастающего утреннего зноя разорвал грохот с небес. Бордах вскинулся, приложив ладонь ко лбу и вглядываясь в сторону раздавшегося шума. Белесую и мутную лазурь над горизонтом пересекал дымный след падающей... звезды?

Раскалённый огненный шар в клубах густого дыма и белого тающего пара падал, наискось перечёркивая редкие утренние облака. Рёв и грохот заставляли сжиматься желудок.

– Достойный кентурий! – к орку справа подскочил командир наёмников из клана Сыновей Степи, – что это? Боги шлют нам дары? Или это игры пустынных магов?

– Успокойся, Серрагх, – магов в этих местах не было сотни лет. Ведьмы Шаранг на такое не способны, поверь мне... а боги? Богам нет до нас дела, наёмник. Просто падает... звезда... Хочешь полюбопытничать?

В этот момент огненный клубок скрылся за горизонтом и оттуда раздался ещё более сильный грохот, сопровождавшийся взметнувшимся далеко на восходе столбом чёрной пыли и песка; сильный порыв горячего ветер достиг каравана, заставив заржать лошадей и растрепав бунчуки на орочьих копьях.

– Серрагх! Собери квинту наёмников и двигайтесь на восход. Звезда упала не дальше трёх-четырёх лиг... Чем духи не шутят, вдруг осколки звезды – неплохая добыча? Если что уцелело, продадим в Эль-Каре... И только попробуй что-нибудь утаить, Серрагх! Ответишь перед Советом Орды!

– Тогда я хочу десятую часть для своих воинов, кентурий!

– Что ж... справедливо, наёмник. Поспешите, возьмите двойной запас воды. Я с караваном буду ждать вас до завтрашнего утра в оазисе. Духи тебя не оставят...

– И тебя, Бордах! До встречи... – лошадь Серраха развернулась в хвост каравана и поскакала, поднимая жёлтую пыль.

Кентурий скривился, случайно задев осточертевшую рану. Случившееся событие разнообразило дорожную скуку, но старый военачальник Южного Континента видел чудеса и поинтереснее падения звезды. Орк забросил в рот очередную порцию свежей фанки и махнул остановившимся было погонщикам плетью, зажатой в кулаке:

– Чего встали?! Вперёд! Хумансовы отродья... До оазиса не близко, хотите здесь сдохнуть?! Так я помогу, только скажите... – засвистели кнуты надсмотрщиков, глухо зарычали, натягивая поводки знаменитые степные псы, натасканные на людей.

Скованные железной цепью в колонны невольники, облачённые в остатки когда-то добротной одежды, с ожогами и ранами от кнутовищ на истощённых телах, грязные, в парше и колтунами в волосах, с потерянными лицами, медленно и обречённо двинулись вперёд, стараясь шагать осторожно, чтобы не спотыкаться о множество глубоких трещин, которыми была изрыта земля Пограничья.

Караван продолжил свой путь к далёкой Эль-Каре...

* * *

Проклятая жара! Бордах любил море, даже пропахшие рыбой и телами хумансов галеры... а пустыню ненавидел всей душой бывалого солдата. Быть Чёрным орком, истинным кентурием Империи Южного Континента, единокровным братом покорителей Великой пустыни и ненавидеть её всем своим существом... Что может быть хуже для того, кто должен всегда и везде нести грозное имя поклоняющегося Чёрным духам!

Оазис в этот раз был довольно большой. В тени маленьких, скрюченных деревьев, в окружении густого тростника прятался не просто источник, а небольшое озерцо с удивительно прозрачной холодной водой. Берега были любовно укреплены тёмным камнем с оберегающими рунами. Шаранги отличались не просто бережным отношением к живительной влаге, они боготворили воду и всё с ней связанное. И не дай Боги нарушить или осквернить источник! Безумцев, совершивших подобное, ждёт неотвратимая кара.

Караван работорговцев вольготно расположился в окрестностях оазиса. Даже людей удалось разместить в тени, благо, деревьев было в достатке. Товар следовало беречь. В Эль-Каре

рабы-хумансы ценились на вес золота, а в караване, Борах это знал наверняка, многие люди были бывшими мастеровыми, ремесленниками и почти не было воинов. Хороший товар...

Сегодня вечером кентурий, измотанный раной, решил на прижигание. Шаман, стоявший спиной к Бораху и что-то причитавший над бурлящим котелком, прокаливал над стоящей тут же жаровней большой разделочный нож.

Кентурий, одежда которого пропиталась липким и вонючим потом, лежал на двойной войлочной кошме. Ночь в Пограничье наступала быстро, а земля остывала ещё быстрее. И Борах серьёзно опасался застудить плохую рану.

Полог шатра хлопнул откинутый сильной рукой воина. Бордах раздражённо повернулся к выпятившему клык в радостной улыбке Серрагху.

– Кого там духи... а... наёмник... Глядя на твою лоснящуюся рожу, могу заподозрить, что добыча оправдала ожидания...

– Твоя правда, досточтимый кентурий! Много доброго железа подарили нам небеса. И, хотя огонь уничтожил большую часть, мой отряд едва довёз оставшееся...

– Железная звезда? – Бордах поморщился, когда шаман стал накладывать тугую повязку выше раны.

– Да, досточтимый, небеса, хвала духам, подарили много обломков. Металл отменный, в Эль-Каре дадут добрую цену...

– Что-то ты слишком разговорчив и подозрительно весел, Серрагх... уж не утаил ли чего?

– Как можно, досточтимый? Всю добычу мы сложили у костра. Завтра сам выделишь десятину.

– Да? Ладно... ступай, – кентурий скосил глаза на переминающегося шамана, – так и быть, завтра договорим.

Уходя Серрагх не смог скрыть выражения отвращения, поспешно пытаясь скрыть его за кривой улыбкой. От раны кентурия изрядно воняло. А что может быть презреннее немощного кентурия?

Лишь только за наёмником закрылся полог, как раздался душераздирающий вопль Бордаху в унисон шипению прижигаемой плоти.

Передёрнув плечами, наёмник ускорил шаг. И он действительно не утаил ничего от командира. Почти... Разве может быть интересна кентурию какая-то худая и грязная безволосая хуманка, прихваченная наёмниками в двух полётах стрелы от упавшей железной звезды? Конечно же нет!

В караване две тысячи невольников. Одной больше, одной меньше... Сначала Серрагх удивился, откуда здесь взялась на краю пустыни хуманская девушка? Наёмники второпях приняли эту грязнулю за шаранг, но, увидев абсолютно лысую голову, поняли, что ошиблись. Ух, сколько было силы в этом хрупком теле! Малышка тарасилась на орков, крича на непонятном языке, лягалась и с одного удара выбила плечо из сустава одному из воинов. Орки достали из седельных мешков ловчие сети, чтобы связать строптивой рабыне лодыжки и запястья...

Обиженный орк, держа повреждённую руку на весу, предложил тут же проучить хуманку... Распят на кольях и заставить уважать Сыновей Орды, как делают это все женщины Великой Степи. Серрагху пришлось напомнить наглецу, что он может делать с хуманкой всё, что захочет... но только после того, как заплатит полную цену.

А у наёмника глаз был намётан! Товар отменный! Хуманка, хоть и худа, как гoblin, год просидевший в долговой яме, но жилиста. Без труда выдержит тяжёлый переход. А уж там, в Эль-Каре, он знает кому предложить столь экзотический товар. Синие глаза, белая, как кобылье молоко, кожа без единого волоска. А мясо? Мясо нарастёт...

Погружённый в приятные думы о собственной ловкости и будущей прибыли, наёмник не заметил, как дошёл до своего шатра. Время ещё не перевалило за полночь и сумасшедшее многоцветье света трёх лун позволяло рассмотреть даже шнуровку на сапогах орка.

Воины, зная жадность своего командира, привязали сеть с пленницей тут же у входа, к стволу кряжистой ивы, росшей на берегу местного озерца. Хуманка была в сознании, тело её белело на фоне тёмной коры; на плечах причудливо играли тени, отбрасываемые ветвями дерева.

Орк нагнулся над пленницей, проверяя крепость узлов на верёвках. Хитрая орочья сеть сама по себе затрудняла движения пленницы, но воины дополнительно связали запястья и лодыжки, помня о необычной силе хуманки.

Девушка сидела, скорчившись и прижав подбородок к коленям, настороженно следя глазами за наёмником. Серрагху на память пришло сравнение со степным сноргом, зверем, что мог услышать топот копыт за несколько тысяч шагов; хитрым и быстрым, способным вырыть нору и спрятаться от опасности за считанные мгновения. Вот и сейчас взгляд и напряжение лицевых мышц хуманки ярко напомнили орку сноровистого зверька.

Серрагх наклонился ещё ниже и, пытаясь напугать пленницу, скорчил злобную рожу. Мгновенное движение девушки орк просто не успел заметить. Опытный воин, он не ожидал от хуманки такой скорости. Хруст переносицы от соприкосновения с головой связанной замарашки заглушил сдавленный вопль орка.

Сын Орды... позор... обидно! Грязная девчонка! Наёмник в ярости занёс ногу, желая пнуть лежащую невольницу в живот.

– Доброй ночи, досточтимый! – от неожиданности Серрагх чуть не споткнулся о верёвочную сеть. Поэтому удар пришёлся вскользь, не по животу, а по бедру девушки. От чего та глухо охнула и молча завывала, закусив до крови нижнюю губу.

Наёмнику было чему удивиться. Смотритель Оазиса редко появлялся перед гостями. Шаранг неопределённого возраста в свободной светлой одежде и сандалиях, с родовым поясом из когтей фارانгов.

Беловолосый материализовался перед шатром ниоткуда, словно соткался из лунного света. И если бы Сын Орды не знал, что мужчины земли Шаранг не способны к магии, то заподозрил бы в нём порталлиста.

– Чего надо? Мы заплатили за постой... – орк был раздосадован и зол. Смотритель прервал такое интересное занятие, как укрощение невольницы, в самом его разгаре. Серрагх высморкал, вытер кровавую юшку о полог шатра и с вопросительной миной уставился на невозмутимого шаранга.

Беловолосые не отличались многословием, что и подтвердил ночной гость. Он указал на связанную пленницу:

– Куплю.

– Ещё чего, пустынный голодранец... Откуда у тебя золото за рабыню?

– Не золото, – шаранг был по-прежнему лаконичен, протянув орку на ладони какой-то предмет. Серрагх подошёл поближе.

Ростом орк был почти в полтора раза выше беловолосого, ему пришлось нагнуться. Сомнений не было. На ладони Смотрителя играла трёхцветными бликами в свете лун Слеза Пустыни, величиной с фалангу пальца шаранга. Глаза орка полезли на лоб. Да этот камень стоит сотни таких рабынь!

Смотритель рехнулся... Глаза орка лихорадочно забегали по сторонам, голова загудела от мыслей. Хвала духам, они одни... Наёмник заметил слезящиеся глаза и морщинистую шею Смотрителя, слегка подрагивающую ладонь, держащую камень...

Шаранги – непревзойдённые воины, но этот... не противник. Старик...

Решение пришло мгновенно, стоило появиться мысли о том, сколько таких камней у Смотрителя есть ещё...

Орк мягко отступил на полшага, улыбаясь, кивая шарангу и что-то говоря ему успокаивающим тоном. Тихо скользнул из смазанных желчью ящера ножен верный ятаган, всегда острый, как бритва...

Страшный косой удар, от которого не было спасенья в ближнем бою с Сынами Орды перечеркнул белый силуэт запоздало метнувшегося к наёмнику старика... Орк не стал отступать в сторону, поэтому кровь Смотрителя щедро оросила его доспех.

Серрагх понял, что шаранг мёртв ещё до того, как тело старика опустилось к его ногам. У дерева тихо пискнула хуманка, отползая от лужи, растекавшейся из-под тела шаранга.

Орк оглянулся: лагерь продолжал жить своей жизнью. Кроме своего тяжёлого дыхания наёмник не слышал никаких посторонних звуков. В левом боку немного жгло. Возраст давал о себе знать. Видимо, резкие движения разбередили старые раны...

А ведь старик чуть не дотянулся до него! Перед тем, как ятаган орка почувствовал сопротивление рассеяемого тела, у Серрагха перед глазами вроде бы мелькнул белый рукав Смотрителя...

Сын Орды присел перед остывающим трупом. Крови натекло не так много, и её скудный ручеек стекал по твёрдой земле в сторону замершей хуманки. Жадные руки Серрагха шарили по одежде лежащего, разжимали судорожно стиснутые в кулак пальцы старика.

Слеза Пустыни перекочевала в поясной кошель. Родовой пояс отправился туда же. Вещь редкая. Сколько-нибудь да стоит...

Да что же это?! У мёртвого шаранга больше ничего не было, кроме дешёвых мелочей: огнива, какого-то куса вязкой и вонючей массы, липнувшей к рукам, пары серебряных монет...

Хвала духам, ещё глубокая ночь, надо срочно спрятать тело Смотрителя и замести следы крови. Не стоит наёмникам знать, что тут произошло, очень не хочется делиться... Хм, хуманка, а ведь она всё видела...

Внутри наёмника боролись рационализм разбойника и рачительность работоторговца. За пленницу можно было бы выручить несколько сотен золотых. Сумма немалая. Но она свидетельница убийства шаранга...

До Эль – Каре ещё два перехода, даже если беловолосые и кинутся искать пропавшего Смотрителя, к тому времени Серрагх будет уже далеко. А хуманка... хм, интересно, на сколько подешевеет пленница, если ей отрезать язык.

Орк тяжело вздохнул. Возится долго, ещё кровью истечёт... и прижечь нечем. Придётся её отправить к духам, как ни жалко золота. Но Слеза Пустыни грела душу. Орк резко поднялся с земли и тут же, охнув, схватился за левый бок...

Духи... Да что это?! В глазах наёмника затуманились и поплыли лики лун. Он попытался рассмотреть, повернувшись, что там случилось с левым боком.

Кожаный нагрудник был порван, дыра небольшая, с ровными краями, через которые толчками обильно сочилась... кровь. Орк переступил ногами, сапоги чавкнули в луже, которая натекла прямо под ним, пока он обыскивал тело Смотрителя.

В паническом ужасе Сын Орды попытался позвать на помощь, от страха позабыв о желании скрыть своё преступление. Но силы оставили его, сознание померкло, и последнее, что перед тем, как вознестись к духам увидел перед собой орк, было заплаканное лицо хуманки...

* * *

– Давай, на исходную, Инфа! – хитро ухмыляющаяся Астра показала подруге язык и, опустив маску протектора, нырнула в зловонную жижу полигонного трека Второго сектора.

«Вот стервочка, и как ей удаётся всё время быть первой?» – в очередной раз мелькнула мысль в голове у Инфы. Тело, же автоматически выполнило команду, и девушка без всплеска погрузилась в жидкость, скорее по ошибке прозванную обитательницами ковчега Озером.

Виртуальный водный полигон для отработки взаимодействия в условиях жидкой среды условных планет с агрессивной флорой вот уже месяц не поддавался подругам.

Упрямыцы так увлеклись, что заработали взыскание от самой маминой ма за превышение лимита времени пребывания в вирттренажёре. Наряд на скучное дежурство по обслуживанию вспомогательного реактора вместо долгожданных выходных испортил бы настроение окончательно. Если бы не... воскресные пироги, украдкой переданные прамаминой ма для Инфы и Астры, было бы совсем грустно.

В понедельник полигонный трек снова, по закону подлости, пришлось начинать с Озера.

Инфа активировала водомётный двигатель, расположенный на животе и отрегулировала на средний режим. В этой мути видимость не превышала полуметра, спасал только эхолокатор, предусмотренный в маске протектора. Прошлый раз Инфе не удалось продвинуться дальше лабиринта с гидрами. Сегодня она была настроена решительно и собиралась сократить путь, расчистив его самодельной вакуумной миной. Протектор защитит голову от гидроудара, а зубодробительную вибрацию и онемение в мышцах можно и потерпеть.

В отличие от Астры, всегда и везде следующей инструкциям и параграфам правил космодесантника, курсант Маркова постоянно попадала в авантюрные переплёты. За что и была прозвана прамаминой ма «вредителем огородов». После очередного разноса девушка собиралась, но забывала спросить любимую наставницу прямо, что означает прозвище...

Бетонная стена лабиринта высверкнула кривоватой зелёной линией на мониторе очков протектора. Глубокие норы, в которых обитали гидры, едва просматривались чуть более тёмными тенями.

Арка основного канала стала видна невооружённым глазом, подсвеченная аварийными проблесковыми маячками. Инфе показалось, что их свет на секунду закрыло гибкое тело в гидрокостюме. Тут же исчезнувшее в тьме перехода.

Астра!? Не может быть, не могла отличница отклониться от рекомендованного маршрута. Но...если... сегодня она не даст себя обогнать этой зубриле... Водомёт взвыл на форсаже, Инфа активировала клинки виброножей и устремилась в темноту.

Схема нор сохранилась в памяти ещё с прошлой попытки. Лишь расположение и число гидр в карманах варьировалось ИскИном. Стоило продвинуться первый десяток метров и началось...

Скользкие тела, вооружённые множеством щупалец со стрекательными жалами на концах, набрасывались на Инфу из темноты, пытаясь сбить с курса, обволакивая и нещадно жала сквозь изолят гидрокостюма. Тут-то и пошли в ход виброножи.

Курсант вертелась юлой, металась замысловатыми зигзагами, отмахиваясь от всё прибывающих тварей. Нешуточный бой шёл в полной тишине бетонных лабиринтов, лишь глухо шелестели вереницы пузырей при сраживании через клапаны выдыхаемого воздуха.

Фосфоресцирующие глаза и ротовые отверстия гидр лезли отовсюду. Инфа старалась, чтобы ошмётки рассечённых тел кишечнополостных тварей не попадали на решётку водомёта. Стоит остановиться хоть на минуту, её заблокируют и зажалят до полного паралича.

А начинать прохождение полигона в четырнадцатый раз... Чёрт! Инфа чувствительно приложилась шлемом о бетонную стену лабиринта. Ещё немного, ну! Ещё чуть-чуть!

Она хорошо помнила, что именно в этой части находится площадка с узким ответвлением малого хода, изгибающегося под прямым углом. Единственное место, где по её расчётам можно было переждать гидроудар...

А вот и оно! Не обращая внимания на уколы гидр, Инфа крепко оттолкнулась от края узкого хода и, перевернувшись в воде, ещё раз на мгновение включила форсаж водомёта.

С силой ударившись о стену и помогая себе руками, курсант втиснулась в трёхметровый узкий отнорок и с трудом развернулась в темноте ко входу.

Мина, собранная накануне из запасного аккумулятора с раструбом к водомёту и части окислителя из воздухообменника костюма, крепилась магнитными зажимами на груди. Использование самодельных взрывных устройств не противоречило правилам, чем Инфа и воспользовалась.

Мысленно досчитав до пяти, девушка сорвала с мины резиновый изоляционный колпак. Вода вступила в реакцию с окислителем в трубке детонатора. Девушка отцепила мину, выставила в щель сориентировав по азимуту и аккуратно отжала клапан небольшого баллона с воздухом и, отпустив смертоносную игрушку, поспешно ретировалась за угол.

Самоделка не подвела. Стены лабиринта содрогнулись, гидроудар, смягчённый расположением бетонных плит, с чудовищной силой прижал девушку к стене, выбив воздух из лёгких, а резкий удар затылочной части шлема чуть не погасил сознание.

Придя в себя, Инфа ощутила нестерпимый зуд во всём теле, да такой, что захотелось сорвать гидрокостюм и чесаться, не останавливаясь! А ещё страшно болела голова и ныли зубы. Виртуальная реальность исправно воспроизводила все последствия применения взрывного устройства.

Девушка ухмыльнулась под маской протектора. Что же там с проклятыми гидрами, если ей так хреново?

Теперь можно было включить прожектор на шлеме. Видимости это не увеличило, но прибавило бодрости и позволяло избегать наиболее крупных трупиков гидр. Если бы можно было визжать в маске протектора, то Инфа не стала бы себя сдерживать. Получилось!

Она проплыла по периметру центрального зала, коряво вальсируя. И тут её взгляд выхватил из темноты и мельтешения шупалец тело в гидрокостюме...

Астра! Чёрт... ну зачем эта дура полезла сюда в нарушение всех инструкций? Инфа попыталась спасти задание, кинувшись приводить в чувство оглушённую гидроударом подругу. Куда там... Жёлтый глазок на затылочной части шлема означал необратимую гибели аватара в виртуальной реальности...

Всё сначала! Дура! Дура! Какая ты, Астра, Дура!!! Такую задумку... Ну вот зачем ты попёрлась в лабиринт? Гнев, отчаяние и досада переполняли Инфу. Столь долгожданная победа была бездарно слита из-за тупой случайности. Ещё и штрафные очки начислят...

Девушка не сразу поняла откуда слышит сигнал тревоги... В лабиринте? Под водой? Внезапно в глазах потемнело и тело выгнулось дугой, как от удара электрического разряда. Руки сами потянулись к шлему...

Аварийная ситуация...экстренное пробуждение... выход из виртуальной комы через 10...9...8...7...#

Цифры побежали по монитору протектора. Невыносимо тошнило и кружилась голова. Яркий свет ударил сквозь полуприкрытые веки и в одно мгновение всё вокруг изменилось: пропала мутная вода, лабиринт, плавающие ошмётки гидр и тело напарницы.

В лицо ударил резкий запах септика пополам с кислородом реанимационного модуля. Сразу стало очень холодно, отключилась система терморегуляции. Вакуумный отсос услужливо обхватил маской нижнюю половину лица. Губчатая часть ложа вздыбилась под курсантом и развернула её на бок. Ремни не давали сползти полупарализованному телу, а только и ждавший этого желудок радостно стал избавляться от содержимого.

Содрогаясь от дрожи и утихающих рвотных позывов, Инфа обвела тесное помещение модуля безумным взглядом. Экстренный выход из виртуальности на время превратил её в беспомощную куклу. Девушка попыталась отстегнуть страховочные ремни ложа, но пальцы были ватными и соскальзывали с креплений.

В отчаянии она с размаху шарахнула ладонью по аварийной кнопке открытия прозрачной сферы ложементов. Пружинный замок лязгнул и створки с грохотом свалились на пол модуля. В уши тут же ворвался душераздирающий вопль сирены.

С трудом повернув голову к выходу, Инфа заметила, как медленно и неотвратно происходит закрытие диафрагмы, за которой угадывалась часть коридора, заполнявшаяся густыми клубами ядовито-жёлтого дыма.

Пожар? Авария на ковчеге? Отчего? Они в орбитальной доке и давно не в векторе. Метеоритная защита надёжна. Реакторы на минимальном ресурсе... Ничего не понятно.

– Активация бортового ИскИна! Код 300! – Инфа начала приходить в себя, хоть голос при отдаче голосовой команды хрипел, как испорченный селектор.

– Аварийный протокол активирован, курсант Маркова. ИскИн в режиме, – спокойный голос из динамиков модуля придал уверенности.

– Обстановка?

– Взрыв коммуникаций на шестой палубе Ковчеге, пожар в четвёртой шлюзовой. Введён режим аварийной отстыковки данного и соседнего модулей. В соответствии с протоколом чрезвычайных ситуаций на орбитах исследуемых планет...

– Стоп. ИскИн, прервать процедуру отстыковки! Бред какой-то...

– Отстыковка произведена двести четырнадцать секунд назад. Через шестьдесят восемь секунд модуль покинет зону гравитации Ковчеге. Рекомендую надеть скафандр и занять посадочное кресло модуля, – с каждым словом ИскИна сердце Инфы билось всё чаще. Девушка сделала глубокий вдох и, наконец, освободилась обретшими чувствительность пальцами от ремней ложементов. Встать на ноги удалось только, держась за постамент капсулы. И в этот момент пол модуля ушёл из-под ног. Закружилась голова. Чёрт...она забыла о невесомости...сейчас все обломки и дерьмо с пола заполнит пространство модуля...

– Активировать центробежное вращение модуля! – не хватало получить при посадке по голове створкой бронесферы капсулы или какой-нибудь отвалившейся железякой. До посадочного кресла нужно было ещё пройти... Четыре метра.

– Отказано! Центробежное вращение нарушит ориентацию модуля и может привести к фатальному приземлению...

По модулю начали совершать перемещения, собираясь в причудливые сфероподобные конгломераты, пищевые желудочные остатки курсанта, не попавшие в вакуумный сборник.

– Бррр...мерзость! – скривилась Инфа, – плевать! Отставить ориентацию! Код 500! Центробежное вращение! – девушка не успела закончить команду, как модуль начал вращение вокруг продольной оси. То ли ИскИн обиделся, что, в принципе было абсурдным предположением, то ли код экстренного приоритета сыграл с Инфой злую шутку, не важно...

Вращение началось в неподходящий момент, а, может, как раз, в подходящий... И с таким ускорением... В последнюю секунду перед ударом створки бронесферы в многострадальный затылок девушка осознала в очередной раз банальную истину о материальности мыслей...

* * *

Ей снилась горячая ванна. Настоящее эмалированное чудо. Именно такую синтезировала ей на полчаса прамамина ма на день совершеннолетия...

Она возлежала в ней, словно древняя царица Клеопатра, в тёплой молочной пене, погружённая в жидкую негу. Вокруг клубился раскалённый и непроницаемый пар. Пот струился по обнажённой шее. Ничего нигде не болело. Голова была ясной. Жарко...как же жарко. Губы ссохлись и потрескались, горло горело огнём, что-то впилося между лопаток, вызывая назойливый дискомфорт. Инфа попыталась развернуться и привстать. Это движение в одно мгновение разрушило иллюзию и заставило зайтись девушку в глухом кашле, раздирающем трахею и горло. В глазах болталась красная муть.

Щелчком включился сух и отовсюду послышался равномерный шорох...песка, потревоженного ветром, прерываемый раздающимся где-то вдалеке потрескиванием. Потянуло горелым пластиком и изоляцией.

Инфа попыталась протереть глаза, но тут же бросила попытки. Ладони горели огнём, кожа потрескалась. Она попыталась смочить пальцы слюной и с горем пополам разлепила веки.

Вокруг, сколько хватало взгляда, был песок, ослепительно-белый океан под беспощадным солнцем.

Итак, она всё-таки совершила посадку на планету. И если это Земля, в чём нет никаких сомнений, её достаточно скоро найдут... Хотя, постойте, мамина ма на инструктаже говорила, что высадка на землю орбитальщиками временно приостановлена в силу объективных причин. Каких, правда, не пояснила... Но у Инфы явный форс мажор, так что земляшки должны зашевелиться. Поэтому, главная задача Инфы не сдохнуть до прибытия поисковой группы.

В голову лезли разные мысли. Вспомнилось упоминание ИскИна о ещё одном соседнем модуле, выполнившем расстыковку. Неужели Астра? Интересно, где она припланетилась? Разброс может быть значительный...

Так, курсант Маркова, чего сидим, жопу греем? Собралась! Что там у нас в инструкции космодесантника?

Правильно: убедитесь в состоянии транспортного средства, приложить все усилия к сохранению оборудования и снаряжения, сориентироваться на местности, оценить собственное физическое состояние...

Мысли скакали кузнечиками. Только теперь до Инфы дошло, что на ней почти нет одежды. Что она всё в том же гигиеническом подгузнике и бандаже из неуничтожимого полимера, в котором её застала аварийная ситуация... Так, а где сам модуль, интересно знать? Как-то же она сюда доползла из него? Инфа растерянно оглянулась, вокруг на песке не оказалось ни одного следа. Хотя, ветер изрядный, могло всё занести песком.

Взгляд зацепился за столб дыма на горизонте. Есть! Горит. Чадит.

Девушка поднялась, охнув: песок был горячим, как угли. Сцепив зубы, Инфа заковыляла, ориентируясь на столб дыма.

Не успела она пройти и пятидесяти шагов, как навстречу ей из-за бархана выехала группа всадников с пристёгнутыми к лошадям волокушами, на которых она с удивлением рассмотрела покореженные части модуля, некоторые обгорели до неузнаваемости.

Инфа подняла глаза на сидящих в сёдлах существ и засомневалась в собственной вменяемости. Может она лежит в коме в палате орбитального госпиталя и всё это ей снится в одном продолжающемся кошмаре?

Серо-зелёная кожа, мощная грудная клетка, узкий покатый лоб и мощные надбровные дуги. Челюсти с выдающимися вперёд клыками...

Нет, всадники выглядели вполне человекоподобными... но таких существ на Земле, в принципе, не могло быть... а, может, не было до недавнего времени...

Растерянность девушки была грубо прервана хриплым окриком одного из всадников, держащего в руке длинное копьё, с привязанным к основанию лезвия пучком волос.

Инфа в ответ замотала непонимающе головой, попытавшись сипло оправдаться:

– Не понимаю... вы говорите на интерлинге?

– Гхарр рендуур, хумаанс?

– О! Хотя что-то... Есть контакт! Хуманс, хуманс! – радостно закивала Инфа, улыбнувшись потрескавшимся губами. Неужели эти гуманоиды знакомы с людьми? Прамамина ма на инструктажах ничего не упоминала о контактах земляшек с другими цивилизациями.

Всадник тронул низенькую крепкую лошадку пятками, чуть не наехав на курсанта и неожиданно ловким ударом древка копья подсёк её под колени.

Было не столько больно, сколько обидно. Гнев и ярость вспыхнули в груди девушки.

– Ах ты, ссука!!! – Инфа забыла о слабости и трясущихся руках. Этот гад ржал, показывая на неё пальцем и недвусмысленно теребил свой... под кожаным поясом доспеха. – Ах ты, козлина! – Орк не успел ничего понять, лишь успел инстинктивно отдернуть голову назад, поэтому удар голой пяткой в прыжке пришёлся вместо челюсти, в плечо Сына Орды.

Разбойник вылетел из седла, застряв сапогом в стремях. Его словно лягнула лошадь. А проклятая хуманка мягко приземлилась за его спиной, радостно улыбаясь белозубым ртом и сипя что-то на своём наречии.

Но и Инфа не долго торжествовала победу. Девушка не заметила, как вокруг стало не протолкнуться от всадников, на неё набросили что-то вроде грубых верёвочных сетей. Два клыкастых великана менее, чем за минуту спеленали её запястья и лодыжки, чувствительно врезав пару раз сапогами по рёбрам.

Подскочил и тот, кого она сшибла с коня, порываясь протиснуться к ней и хлестнуть кнутом, зажатым в кулаке здоровой руки.

Инфа с удовлетворением заметила, что вторая у клыкастика висела плетью. Вот тебе и первый контакт... Мамина ма будет ругаться... одна из лучших её воспитанниц похерила все инструкции. И чему тебя учили, будущий космодесантник?

К свалке присоединился ещё один чудик, на котором была не только кожаная одежда, но и какие-то металлические бляшки на плечах, поясе. Волосы на его голове были стянуты в три косицы, которые в свою очередь скреплял зажим жёлтого металла. Он был на две головы выше всех остальных инопланетян и вооружён длинной, немного изогнутой заточенной железякой. Гордое и презрительное выражение его морды, а также то уважение, с которым расступились остальные, подсказало девушке, что ей заинтересовался местный начальник.

Обиженный с выбитым плечом подскочил к начальнику, что-то рыча и захлёбываясь слюной.

Ясное дело, жалуется мальчик. Обидели сиротинушку... Инфа попыталась презрительно сплюнуть, но во рту по-прежнему была жестокая сушь.

Начальник глянул на девушку, медленно осмотрев с ног до головы. Цокнул зубом и, повернувшись к обиженному, протянул ему руку ладонью вверх:

– Таррагх, дьорр хабарр? Йерр? Ньёк? – обиженный в ответ отрицательно помотал головой. Начальник ухмыльнулся краем рта, – хуманс, Эль – Каре ис... – и, больше не обращая ни на кого внимания, вскочил в седло услужливо подведённого коня.

Инфу, словно тюк с вещами просто и незамысловато перекинули через седло одной из лошадей и отряд двинулся, увозя невезучего космодесантника всё дальше и дальше от последней частички ковчега, который был её домом на протяжении всей, такой недолгой, жизни.

А равнодушное солнце продолжало освещать пустыню Шаранг...

Глава вторая. Inguz

– Зоррах, ты просто неподражаем! – утреннее солнце пробивалось сквозь густую листву июльского леса и играло золотистыми лапками на бархатистой оливковой коже орчанки.

Из шалаша, осторожно раздвинув листья, к изящной лодыжке Гергудрун метнулась мускулистая рука и попыталась ухватить наслаждавшуюся утренним солнцем Ведьму. Ловко отскочившая орчанка заливисто рассмеялась, шуточно хлопнув по пальцам Зорраха.

Новый июльский день обещал быть жарким и желания куда-то идти не было никакого. Напряжение последних недель бегства из воюющего Варрагона наконец отпустило...

Южная ночь, как это часто случается летней порой, накрыла путников внезапно наступившими сумерками. Спутником Гергудрун в путешествии к отрогам Серединного хребта стал посвящённый Ковеном в телохранители, надёжный и преданный Зоррах, по прозвищу Суховай.

Сын Орды, Зоррах давно забыл о кочевой жизни, набегах и наёмничестве. Одно время пробавлялся случайными заработками в Варрагоне, был одним из лучших учеников Мастера Сонгара. Отпрыски знатных семей хумансов ценили сильного и терпеливого наставника, мастера топора и алебарды. Закалённый в Войнах Крови ветеран, орк давно и безнадежно был насмерть влюблён в свою госпожу. И вот его мечта сбылась... Они одни и впереди долгая дорога к далёким горам.

Ведьма Ковена, Грандмастер Руной Магии, Гергудрун Неистовая, при каждом своём появлении заставляла сердце сурового воина трепетать, как на первом свидании.

Зоррах и не помнил уже, когда впервые увидел орчанку. Та, будучи ещё молодой кандидаткой и дочерью одного из шаманов Великой Орды, приехала на весенний праздник Цветения Степи, где сотни молодых и горячих парней состязались в верховой езде, владении оружием и охоте.

Нет, он не поразил тогда её своими умениями... Куда ему было! Пятнадцатилетний юнец, Зоррах, не имевший прозвища, лишь с единственной клановой татуировкой на плече, вообще без права вступать в Круг, с трепетом наблюдал за прекрасной орчанкой, спрятавшись за тюками с войлоком, что привезли на праздничную ярмарку купцы...

Глядя сейчас на великолепное нагое тело ничуть не постаревшей Гудрун, Зоррах не мог поверить тому, что всю прошедшую ночь эта женщина отдавалась ему ярко и самозабвенно, так же, как и в первые, двадцать лет назад...

– Зор, хватит плясать! Я бы с удовольствием съела чего-нибудь!

Орк скупно улыбнулся, надевая кожаную перевязь и застёгивая штаны.

– Потерпи... полчасика. Костёр разожги... женщина, – Суховай, не дожидаясь пущенного ему в голову увесистого сука, сгинул в густой зелени, по пути прихватив лук, что висел у входа в шалаш, наскоро сооружённый вчера в темноте.

Вот уже две недели, как далеко позади остался многострадальный Варрагон. Северный тракт, переполненный в первые дни путешествия беженцами из окрестных селений, опустел. Дорога стала скучной и однообразной.

Гудрун тряхнула головой, отодвигая картины недавнего прошлого и занялась костром, ничуть не утруждая себя одеждой. Лишь клановая набедренная повязка, да серебряные кольца на лодыжках и запястьях... плевать, кому здесь рассматривать её, кроме верного Зорраха?

Да... давненько не была дома непутёвая Гергудрун! Уже почти забылся вкус кобыльего молока и запах травяной подстилки. Как там мать, сёстры? Отец... плюнувший по древнему обычаю Орды в след, когда она покидала родную крепость с наставницей Керен...

Неожиданно со стороны оврага раздалось приглушённое ржание. Стреноженные с вечера кони, спрятанные по старой воинской привычке Зоррахом, исправно предупреждали о приближении к лагерю посторонних.

Ведьма на минуту прикрыла глаза, прислушиваясь к лесу и вибрациям астрала. Брызнули во все стороны невидимые нити, сходящиеся на рунном средоточии между тяжёлых чаш налитой груди орчанки. По спине пробежал холодок нехорошего предчувствия.

Это не альвы... Да и глупо было бы думать о погоне за ней Светлых! Каши, что заварилась в Варрагоне им теперь хватит надолго.

От оврага показался озабоченный Зоррах с пустыми руками:

– Хумансы, отрыжка шакала, большой отряд... Не до охоты. Судя по цвету попон и плащей, люди Эдгара Жадного.

– Что они делают так далеко от границ своего королевства?

– Не знаю, Гудрун, но мне это очень не нравится... во время войны появляется много желающих половить рыбку в мутной воде...и ещё... с ними изгой...

– Маги?! Но почему я их не чувствую?

– Уходим, быстро! – Зоррах подхватил перемётные сумки с нехитрым скарбом и развернулся к Гудрун.

– Поздно, Суховой... попробуем разойтись миром... – орчанка облачилась в накидку из овечьей шерсти, защёлкивая оружейный пояс и поглядывая на край поляны, с которого настороженно подступали хумансы. В большинстве своём, вооружённые арбалетами, охотники держались уверенно. Ещё бы. Два десятка. И это те, что позволили себя увидеть. И тут Ведьма заметила отверженных...

Изгой... Недомаги, не признаваемые ни Советом Магов, ни Ковеном... Мужчина с ёжиком седых волос и девушка в мужской одежде с глубоко надвинутым на лицо капюшоном плаща беспристрастно рассматривали орков, сидя в сёдлах двух вороных коней. Неподальку от них расположились трое, на первый взгляд ничем не примечательных гардов, которые держались с деланным равнодушием.

Но Ведьма предпочла бы сражаться голыми руками с толпой арбалетчиков, чем схлестнуться в бою с королевскими гардами. Хм... Значит в отряде хумансов член королевской фамилии... Плохо, очень плохо... Сильные мира чрезвычайно непредсказуемы и ожидать от них можно любой подлости...

– Доброго дня, танны, удачной ли была охота? – уверенный голос Ведьмы разнёсся по поляне, распугивая на ветках любопытных галок.

Седовласый изгой приподнял левую бровь в недоумении и, криво улыбнувшись, ответил:

– Судя по встрече с вами, кун-джи, более, чем удачная! – шутовской поклон и холодный взгляд убийцы не мог не насторожить Гудрун ещё больше. Она успокаивающе сжала локоть Зорраха:

– Приятно вдали от просторов степей и родной крепости встретить знающего вежливое обращение человека. Но я не замужем и обращения кун-джи ещё не заслужила. Зато вы можете называть меня проще. Мастресс Гергудрун... – Ведьма коснулась своего затылка, провела пятернёй по волосам к макушке. Рунные татуировки на теле вспыхнули тусклым золотом предупреждения.

В рядах арбалетчиков возник растерянный ропот. Лицо седого застыло восковой маской. В астрале примерно в том месте, где стояли мужчина и девушка, орчанка ощутила какую-то серую муть, мешающую распознать суть магии, которой владели хумансы.

Неизвестный потенциальный противник с опытной группой воинской поддержки – что может быть хуже? Даже если ты Грандмастер Рунной Магии и рядом с тобой надёжное плечо телохранителя, посвящённого Ковеном...

– И куда же направляется, отмеченная рунами мастресса, со столь грозным спутником? – незамысловатая подначка седого не заставила дрогнуть ни один мускул на сосредоточенном лице Зорраха по прозвищу Суховей.

Глядя на обманчиво расслабленного орка, сжимающего в левой руке древко верной алебарды, Ведьма незаметно для себя успокоилась. Они в своём праве. Ещё посмотрим кто-кого!

– Я – Гергудрун Неистовая, посвящённая Ковена второй ступени, следуя в сопровождении телохранителя на Ежегодный Конклав...

– Какая удача! – седой грубо прервал торжественное представление Ведьмы и Гудрун поняла, что уж эти-то хумансы – вряд ли случайная шайка скучающего королевского родственника. Больше всего они походили на загонщиков дичи. Охотников в королевских угодьях. Ведьма снова прислушалась к колебанию невидимых нитей астрала. Чёрные духи! Да здесь не меньше полусотни хумансов!

Глаза Гергудрун и Зорраха встретились на несколько мгновений, и Суховей понял по лёгкой улыбке, что им вряд ли удастся уйти миром. Что ж, он знал, что когда-то придётся умереть. И в Орде, и на войне, и уже будучи Посвящённым... знал.

Сегодня было как-то по-особенному легко на сердце. Страха нет, потому что рядом его Гудрун и шаловливый лесной ветерок развеивает её волосы, заставляя ноздри Суховея трепетать от запаха орчанки.

– Мой король давно ищет случая познакомиться с такими редкими гостями в наших краях, мастресс Гергудрун! – седой откровенно и жадно ощупывал взглядом Ведьму с головы до ног.

– Насколько я понимаю, мы не во владениях вашего короля, мастер и... вы не назвали своего имени! – Гудрун уже понимала, что продолжающаяся болтовня – лишь формальность, способ отвлечь её с Зоррахом. И участь путешественников уже решена. Но она тоже старалась потянуть время. Ей понадобится всего лишь несколько минут...

Ковен должен получить известие о том, куда делись его эмиссары. Астральный вестник почти готов...

Наконец, долгожданная, слышимая только ей мелодия, заставила вибрировать невидимые струны астрала. Наконец-то! Она едва незаметно кивнула Зоррахе, который в ответ лишь слегка смежил веки.

– Отец!!! Она выпустила вестника! – восторженно вскрикнула стоявшая рядом с седым девушка. И этот крик тут же сбросил едва державшиеся радушные маски с хумансов.

– Густав, орка в расход! Ведьму только живой!!! – седовласый, ещё в прыжке из седла, скастовал стену огня, пытаясь отсечь от лесной кромки Зорраха и Гудрун. Но орков на месте уже не оказалось, и добрая дюжина арбалетных болтов, поспешно выпущенная охотниками, не нашла своей цели.

Поляна наполнилась недоумёнными возгласами людей, растерянно оглядывающимися в поисках ускользнувшей дичи. Вот же, на этом самом месте, только что стояли Ведьма и здоровенный орк... мгновение – и их не стало. Лишь потрескивание занявшегося огнём кустарника, да ревущее пламя магического огня.

Седой досадливо скривился, метнулся к месту, где до этого стояли орки, припал к земле. И вдруг резко развернулся к девушке в капюшоне:

– Инга... где? – девушка подняла руки, с расслабленными бледными кистями на уровень плеч, покачиваясь, словно в трансе.

– Они... здесь... рядом, отец... уходят... астральная тропа...

Седой в ярости зарычал, оскалив зубы:

– Шлюха ковенская! Не уйдёшь... Инга! Вызови гончих!

– Отец... нет, нет! Нееет!!! – девушку трясло, капюшон свалился и пышные каштановые волосы разметались по плечам. Глаза магессы – изгоя стекленели, пальцы на руках скрючила судорога.

– Надо, родная, надо... иначе никак... ты помнишь... король обещал...

Девушку затрясло ещё сильнее, она упала на колени. Седой подскочил ближе, поддержал запрокинувшуюся было голову. Из-под распахнутых век, ушей и носа магессы тёмными ручейками потекла чёрная кровь.

Пространство вокруг изгоев подёрнулось серой дымкой, воздух загустел, аура ужаса заставила отпрянуть королевских арбалетчиков в стороны. Тяжёлый резкий запах разложения заполнил ещё недавно цветущую поляну.

Зелёная трава на пятачке диаметром несколько метров растворилась в грязной зловонной кляксе с шевелящейся бурой массой. Неизвестная субстанция пошла крупными пузырями и забурлила, покрываясь несколькими воронками, в центре которых стали стремительно расти бесформенные коконы.

Девушка на руках седого мага вскрикнула раненой птицей, на её губах проступила розовая пена. Старик осторожно и нежно провёл открытой ладонью по её волосам:

– Потерпи, *darnenn*...

В этот самый момент бурые коконы лопнули с чмокающим звуком один за другим и из них на поляну выскочили существа, напоминающие собак с напрочь содранной кожей и кровавыми провалами вместо глаз. Издаваемый ими скрежещущий скулёж и злобные порывания в сторону арбалетчиков заставили замереть последних.

Девушка с трудом приподняла голову и издала еле слышный свист, тут же закашлявшись.

Поднятые магией Гончие в едином порыве унеслись в лес.

– Чего встали, олухи? За ними! И без Ведьмы не возвращайтесь! Отвечаете своими ничёмными жизнями перед королём! – арбалетчики и большая часть конных охотников устремились вслед гончим, – Густав! – к седому подскочил один из гардов, до сих пор игнорировавших всё происходящее на поляне. – Возьми, – маг протянул гарду небольшую флягу тёмного стекла, – слушай внимательно: когда гончие настигнут орков и те выпадут из астрала, минут две не смогут серьёзно сопротивляться. Разобьёшь склянку над затылком Ведьмы, дальше Пьявка сделает всё сама, возьми Бренна и Сколя с собой, следите, чтобы ковенская шлюха осталась жива. Орка после того, как кончите, сжечь вместе с вещами! Слышишь, Густав! Не то... знаю я вас, хозяйственных...

На лице гарда не дрогнул ни один мускул:

– Сделаем, как вы сказали, хозяин, – Густав кивнул головой другим гардам и через минуту, вскочив в седла, молчаливая тройка королевских охранителей унеслась за погоней...

* * *

Отсюда, из жемчужной пелены верхнего горизонта астрала, лес казался серым. Даже карусель рун, всегда радовавшая золотистым свечением, поблекла и мельтешила белыми тенями.

Напряжение и усталость сковывали передвижение. Ведьме пришлось тащить орка на плечах. Совершенно неспособный к магии Зоррах, потерял сознание при первых же мгновениях входа в астральный горизонт. Поляна осталась далеко позади и орчанка молилась всем духам предков, чтобы охотники, как можно дольше находились в замешательстве. Препятствия реального мира: кусты, деревья, завалы, неровности рельефа не мешали передвижению. Беглецы шли как бы сквозь них...

А в случае экстренного выхода из астрала, телохранитель требовался Гудрун дееспособный, хотя бы на первые минуты восстановления потраченной маны.

Всё... нет больше сил! И на шею давит этот клыкастый бугай. Без сознания Зоррах весил вдвое обычного.

Да что же это?! Опять... Рунные струны, раскинутые Гудрун в астрале, зазвенели на высокой ноте. Снова погоня? Не может быть...

Сквозь протаивающую пелену горизонта между мирами стали проступать стволы деревьев, послышался рвущий душу скрежещущий лай.

Великие Духи! Откуда? Этого не может быть...

Ведьма не могла вновь войти в Астрал. Слишком много сил потрачено. Она сбросила орка на землю, от чего тот охнул и, ругнувшись, вскочил, ошалело таращась вокруг; и, тем не менее, тут же потянулся за алебардой, закреплённой на спине Гудрун.

– Зор, послушай меня, осталось совсем немного времени... за нами в погоню увязались санканы... Кровавые Гончие. Да сожрут их Тёмные Духи! Зоррах... родной... Нам не уйти, сил почти не осталось...

– Не трать слов, Неистовая... – Зоррах коротко коснулся лбом живота Ведьмы, крепко обняв её за бёдра, – уходи сама! – прорычал он и рванулся, не оглядываясь навстречу мелькавшим между деревьями исчадиям Потустороннего.

Аааа!.. Тёмные Духи! Дурак! Ему не совладать с Гончими! Гергудрун колебалась лишь секунду, глядя в след бегущему Зорраку. Глаза её потемнели, рот оскалился в страшной гримасе. Сцепив зубы, Ведьма вытащила маленький кинжал и начала яростно наносить короткие порезы, прямо вдоль линий татуировок на своих бёдрах. Сочающаяся кровь немедленно впитывалась в рунную вязь, заставляя светиться контуры нестерпимо-ярким светом.

Через десяток мгновений, показавшихся вечностью, тело Грандмастера Рунной Магии содрогнулось в коротких спазмах, воздух вокруг закипел и хлестнул шквалом во все стороны, заставляя пригибаться кусты и траву к самой земле.

Гудрун зря считала Зорраха смелым, но глуповатым воином. Орк прекрасно понимал, что его схватка с Кровавыми Гончими закончится не начавшись. Поэтому, сноровисто взметнулся, помогая себе алебардой, на первое же попавшееся на пути дерево с высокими нижними ветвями.

Увлечённые погоней, твари Потустороннего пронеслись в нескольких метрах, оглашая округу жутким воем.

Орк очень надеялся на поспешность Гончих. И не прогадал. Целью телохранителя были королевские охотники. И, если Неистовая отобьётся от тварей, в чём Зоррах не сомневался, то ему здорово придётся постараться в ближайшее время, чтобы задержать проклятых хумансов.

Последний бой в жизни Зорраха из клана Степных Поводырей по прозвищу Суховой обещал быть коротким.

Первыми жертвами степняка стали вырвавшиеся вперёд загонщики на лошадях, азартно погоняющие своих скакунов, дабы не потерять из виду Гончих.

Оркская алебарда, острая, как бритва цирюльника, с крюком на противоположном конце обитого медью древка, – страшное оружие. В особенности, из засады. Несколько резких и размашистых движений – и первые два всадника полетели через головы лошадей, которым орк подсёк передние ноги.

Зоррах даже не остановился у поверженных хумансов. Некогда. Да и живые так не лежат. Двигаться, двигаться и ещё раз двигаться! Только так можно выиграть время для любимой. Зоррах подавил в себе поднимающуюся волну гнева на наглых хумансов, что разлучили его с Гергудрун. Даже опасность смерти не вызывала в нём столь сильное чувство обиды. Кровью умоются королевские ублюдки. А вот и они...

На очередную прогалину навстречу орку выскочило сразу пять арбалетчиков. Их фатальной ошибкой был немедленный, поспешный и позорный недружный залп в сторону Зорраха. Из-за неразберихи и волнения, но, прежде всего, потому, что орк двигался с невероятной для его габаритов скоростью, умело используя одинокие молодые сосенки, стрелки промазали, как один.

Алебарда, с гудением рассекая воздух, отправилась в сторону двоих стоявших немного впереди хумансов, лихорадочно перезаряжавших арбалеты. Гигантским прыжком миновав свалившихся, словно кегли, арбалетчиков, Зоррах приземлился в группе остальных охотников, страшным ударом ятагана рассёк шею одному, одновременно вбивая локоть в нос другому.

Мерзкий хруст лицевых костей перекрыл дикий визг третьего человека, который в отчаянии попытался огреть орка разряженным арбалетом по голове. Зоррах, ловко поднырнув под замах противника, просто и бесхитростно заехал кулаком в промежность, сокрушая тазовые кости. Старый подлый удар из арсенала наёмников остановил сердце бедолаги.

Короткий осмотр, удовлетворённый кивок и молчаливый оскал степняка сказал бы опытному наблюдателю очень многое. А, именно, что доработки не требуется...

Пять стрелков – пять трупов. Чудовищная сила орка, помноженная на многолетний опыт посвящённого телохранителя Ковена творила настоящие чудеса...

Но не сегодня. На прогалине снова стало тесно. Зоррах попытался отступить на противоположный край. Там густой терновник мешал бы в него прицелиться.

В этот раз против него выступили полтора десятка арбалетчиков, не спешивших спускать курки, а предусмотрительно ожидавших команды от одного из гардов, выехавших на край поляны.

Спокойные и уверенные в себе королевские охранители. Первый обманчиво-расслаблено сжимал в обеих руках две небольшие сабли. Но по положению ног воина Зоррах сразу распознал опытного Мастера Мечника. Второй гард, небольшого роста и неопределённого возраста внимательно следил своими рыбьими, немного навывкате, глазами за каждым движением орка, вертя в руках пару кинжалов. Оружие ежесекундно то появлялось между его ловкими пальцами, то исчезало...

Поразительно, как много деталей можно заметить в такие небольшие паузы перед боем! Зоррах с кажущейся неторопливостью потянул из-за пояса в пару к ятагану клановый боевой топор. Хотя, здесь бы очень пригодился щит. Даже небольшой, что так любили северяне...

Орк внутренне попросил прощения у своего учителя Сонгара. Шаранг никогда бы не пустился в путь с Ведьмой, не озаботившись всем необходимым вооружением. Но кто же знал, что на пути встанут эти неправильные хумансы? До сих пор, только одно упоминание Ковена, заставляло почтительно уступать дорогу во всех частях просвещённых земель.

Первым в бой логично вступил мечник, пытаясь навязать Зоррахе невероятно быстрый темп боя, оттеснить орка под болты арбалетчиков. Суховой вертелся, как уж на сковородке, успешно подставляя под удары сабель ятаган и топор. Задумка гарда была шита белыми нитками, и орк пытался использовать поединок с мечником для возможности отступления в чащу.

Внезапно мечник с громким криком сымитировал атаку и резко отступил, упав на спину. Тут же раздался залп из арбалетов. Готовый к такому повороту событий, Зоррах успел ничком распластаться на земле и покатился в сторону, разбрасывая лесной мусор. Лишь одному болту удалось чиркнуть орка по спине и перебить застёжку пустого ружейного пояса, так и оставшегося лежать на месте падения.

Уже поднимаясь с земли, Зоррах понял свою ошибку, когда ощутил давящую тяжесть на шее. Второй гард, обладая ловкостью Парсума, в невероятном прыжке прыгнул на спину орку, пытаясь вонзить свои кинжалы в основание шеи.

Один кинжал, скользнув под лямку кожаного нагрудника, вошёл по самую гарду аккуратно в плечевой сустав. И левая рука повисла плетью, пальцы разжались, а Зоррах выронил топор. Вторым кинжалом гард попытался ткнуть орку в глаз, но разъярённый раной Суховой, с силой сунул рукоять ятагана прямо в лицо ловкачу. Тот успел отклониться и наверх рукояти лишь пробороzdило глубокую царапину на щеке.

Но этим дело не кончилось. Орк уронил ятаган, который вонзился лезвием в землю; прыгнул освободившейся рукой ловкача за шею и вцепился зубами ему в подбородок. Гард застонал, заливаясь кровью и бессильно молотя руками по голове орка.

Зоррах отшвырнул окровавленное тело в сторону и снова взялся за ятаган. С одной рукой он просто мясо для Мастера Меча. Арбалетчики успели перезарядиться и дали залп. Гард-мечник предусмотрительно отступил в сторону, давая возможность завершить бой охотникам.

Но, видимо, удача решила подарить ещё несколько минут жизни Зоррахе по прозвищу Суховой. Большинство болтов не причинили значимого урона: один засел в левом бедре, два других пронзили многострадальную левую руку орка.

Посвящённый Ковена, казалось, не замечал ни боли, ни ран. Мечник с изумлением понял, что однорукий орк, уже спустя несколько мгновений, начинает теснить его, нанося мощные и частые удары. Ятаган в руке обречённого древнего порхал, как бабочка, или, как игла в руке опытного портного.

И вот уже проявились несколько неглубоких кровотокающих порезов на теле гарда. Что-то дрогнуло в глазах хуманса. Это понял и орк.

Арбалетчики пытались выцелить степняка, но рисунок поединка с мечником был настолько хаотичен, что охотники боялись задеть гарда. Наконец, кто-то из них решился, и арбалетный болт, пробив кожаный доспех, ужалил Зорраха в поясницу.

Увидев это, мечник воспрял духом и усилил нажим. Орк рассмеялся ему в лицо, брызгая кровью и, отбросив ятаган, прыгнул навстречу гарду, словно пытаясь обнять единственной здоровой рукой. Мечник немедленно воспользовался открытостью степняка и вонзил сабли с двух сторон в бока Зорраха, стараясь сдержать его порыв.

Столкновение было настолько стремительным, что лезвия сабель Мастера вошли почти на две трети, как в масло, в корпус орка.

Гард, торжествуя победу, закричал, подняв голову к небу, и не заметил, как дёрнулась к его лицу растопыренная пятерня орка. Ученик и друг Мастера Сонгара, Зоррах по прозвищу Суховой, орк из клана Степных Поводырей не мог уйти за Грань один. Не в его правилах...

Жёсткие пальцы древнего с лёгкостью разорвали рот гарда и, стиснув мёртвой хваткой, оторвали нижнюю челюсть, заставив захлебнуться победный крик.

Уже падая на землю и увлекая труп противника за собой, Зоррах повернул голову в ту сторону чащи, куда успела скрыться Гудрун Неистовая...

Душа степняка отлетала, соединяясь с духами предков, а тело уже не ощущало ударов множества арбалетных болтов, которыми щедро награждали его испуганные охотники...

* * *

Бой тяжело дался Гудрун. Это какую же силу погружения в горизонт астрала надо иметь, чтобы таких сильных тварей вытащить? Трупы гончих истаивали тёмными зловонными лужами. Ведьма, сидя на корточках, аккуратно заливала эликсиром рваные раны на бедре и предплечьях.

Последние две твари чуть не отравили её к духам, пришлось исчерпать последний резерв маны. Всё. Она пуста, как голова пьяницы с похмелья. И эта дикая слабость...

Со стороны погони послышался одинокий торжествующий человеческий крик и... резко оборвался. Сердце орчанки сжалось, замерло на мгновение... Зоррах... Да смилоствятся над тобой духи предков!

Ведьма попыталась встать. С трудом, но ей это удалось. Нужно было идти. Позади треснула ветка, послышался шорох множества шагов, затем со всех сторон полетели сети.

Гудрун заметалась, запутываясь всё больше и больше. Из толпы хумансов шагнул высокий гард, держа в руках что-то тёмное.

– Прибить бы тебя, ссучку... за Бренна и Сколя, но я обещал королю... ты ещё пожалеешь, что тебя оставили в живых, – мужчина точным и выверенным движением ударил орчанку чуть выше виска рукоятью охотничьего ножа. Ведьма потеряла сознание. Гард брезгливо открыл флягу тёмного стекла и вытряхнул на затылок Гудрун что-то похожее на комок серой шерсти, который тут же растёкся у неё вокруг шеи, охватывая крепкой шевелящейся удавкой.

– Порядок, грузите на волокуши! Да не с трупами, олухи! Король нам ничего не заплатит, если привезём порченный товар. Или хотите болтаться на верёвке!?

Охотники, тихо ворча, стали укладывать бессознательное тело Гудрун на связанные срубленные молодые деревья.

Отряд потерял больше половины людей. Да... Дорого сегодня обошёлся охотникам трофеем для монарха...

Глава третья. Uruz

Сознание возвращалось медленно, словно лик стыдливой молодой луны в ночь весеннего цветения мелорна. Почему именно это воспоминание пришло на ум прекрасной молодой эльфийке, очнувшейся ото сна в незнакомой спальне с высокими стенами, уходящими в глубокую темноту?

Лоос провела рукой по шёлковой простыне нежно-фиалкового цвета, взгляд её перебежал с великолепно выполненной неизвестным резчиком миниатюрной фигурки фейри на одной из колонн роскошного балдахина, что простирал полог над её ложем, на высокое и узкое окно, едва прикрытое тяжёлыми бархатными шторами. Из раскрытых створок лился ровный багровый свет, растекавшийся на чёрном мраморном полу искристыми сполохами. От каждого предмета, каждой вещи в этой комнате веяло мощной, незнакомой магией...

Неужели это и есть тот самый другой мир? Небытие, о котором говорил Эскул? Эльфийка придирчиво оглядела себя: тело Богини ничуть не изменилось с тех пор, как она взяла в руки Фиал и утратила связь с материнским миром. Всё та же молочная белизна кожи, живая вязь татуировок на животе и бёдрах...

Удовлетворившись осмотром, Лоос одним привычным заклинанием облачилась в чёрное платье. Богиня, сколько помнила себя, никогда не изменяла этому цвету. Ну, разве, что, пурпурный... иногда... Уголки губ женщины тронула игривая улыбка.

Лёгким движением Богиня соскользнула с широкой кровати, подошла к окну и... замерла в трепетном удивлении, заворожённая открывшейся картиной. Лоос никогда в старом мире не видела чего-то подобного. Но с самого момента осознания себя божеством Тёмных альвов воображение рисовало ей похожие картины во снах. По рассказам, воспитывавших её в детстве, лесных дриад, именно так выглядели владения отца, которого она никогда не знала.

Первозданный Хаос множества миров трудно поддавался описанию, он притягивал взгляд и отвращал душу, вызывая смешанное чувство омерзения и, в то же время, жаркого желания погрузится и ощутить его всем своим существом.

Марево смутных образов, водоворотов цвета и шквал какофонии высоких и низких звуков на грани восприятия ошеломили эльфийку, она подалась вперёд и...

– Не стоит, дорогая! Вестник, хоть и установил защиту, но чем Рандом не шутит, вы всё-таки Богиня, вдруг затянет в окошко? Как я потом перед Эскулом оправдаюсь?

Немедленно отпрянув от окна, Лоос резко обернулась и увидела стоящего в дверях спальни, смутно знакомого великана. Тот выглядел... несколько иначе, чем в первую встречу.

Обычно торчащие во все стороны волосы были смазаны ароматным маслом и зачёсаны назад. Мочку уха оттягивала серьга с крупным сверкающим бриллиантом. Камзол, шитый серебром, строгих оттенков синего и голубого цветов, кружевная белоснежная рубашка, лосины и высокие ботфорты, в начищенной зеркальности которых отражались багровые сполохи Хаоса...

– Янитор?!

– Именно! Прекрасная память, дорогая... Может, вина? – только сейчас эльфийка заметила, что привратник с самого начала беседы держал в руках два бокала, наполненных светлой искристой жидкостью.

Богиня немного задержалась с ответом. Нерешительность несвойственна Королеве Тёмных, и она здесь гостя или пленница?.. Хотя, почему бы и нет? Но этого слугу следовало поставить на место. Она оглядела спальню и, не найдя никакой подходящей случаю мебели, кроме кровати, попыталась привычно сотворить себе трон.

Каково же было её изумление, когда она не только не смогла призвать силу, но даже перестала её ощущать. Лишь слабое эхо внутренней памяти былого могущества... И не более того... Она подняла глаза, полные горестного недоумения и подступающего ужаса на Янитора.

– Но-но... Дорогая. Не надо паники, – привратник учтиво, даже с каким-то изяществом, не смотря на габариты фигуры, подшагнул к Лоос и протянул бокал, – не переживайте, силы вернуться к вам. Просто, Вестник не терпит чужой ммм ... магии в своих Чертогах.

– Но как же... я же... а платье?

– Ну... мы не могли позволить вам разгуливать по залам обнажённой, – Янитор задумчиво отхлебнул из своего бокала и скривился, – а может вы всё же хотели...

– Нет!!! – руки Лоос непроизвольно метнулись к лиффу, но ей удалось быстро взять себя в руки, выпрямится и с независимым видом вздёрнуть подбородок.

Янитор удовлетворённо кивнул, буквально втиснул бокал в кулачок Богини и слегка коснулся его своим. Хрустальный звон взлетел к невидимому потолку и исчез во тьме.

– За новую жизнь! – привратник залпом допил своё вино, – ну и кислятина! А вы чего не пьёте? Не бойтесь, яды – не мой метод...

Лоос, тем не менее, осторожно пригубила прохладный напиток с кислинкой и нотками фруктов. Жидкость взорвалась во рту сотней маленьких пузырьков, защекотавших нёбо. Тёплая волна пробежала по телу, придавая приятную лёгкость, смыв мутную пелену со всего окружающего...

– Вооот! Молодец, а ты не хотела. Нектар Чертога – он такой! Хоть и кислый, зараза. Всё, болтать будем по дороге, пойдём, – Янитор галантно подставил Лоос локоть.

– Куда? – если первое ошеломление потери магических способностей прошло, благодаря напитку, то естественное чувство самосохранения эльфийки заставляло насторожено относиться к привратнику. Хотя ничего плохого этот гигант ей ещё не сделал.

– Я проведу тебя по коридорам и залам Чертогов. Расскажу кое-что о мире, в котором ты оказалась волею случая и безответственной самодеятельности одного неугомонного Демидурга... Пойдём! Тебе понравится. В этих анфиладах, словно муха в янтаре, застывает мирская слава великих...

Заинтригованная эльфийка искала глазами куда бы поставить пустой бокал, но тот уже развеялся лёгким белесым облачком едва слышным хлопком. Лоос сделала шаг, привычно ступая на носках и только теперь заметила, что ступни её обуты в невесомые ажурные туфельки, вышитые чёрным жемчугом. На вопросительный взгляд Богини Янитор лишь хмыкнул:

– Не обращайтесь внимания, дорогая. В Чертогах часто случаются спонтанные выбросы магии и маленькие чудеса, а вы чем-то заслужили симпатию духа этого места.

– Ещё раз назовёшь меня «дорогая», Янитор, и я воткну тебе в глаз свой указательный палец. Без всякой магии, – Лоос очаровательно улыбнулась привратнику, игриво постукивая ноготком по полировке спинки кровати. Великан изумлённо замер на мгновение, затем оглушительно расхохотался. Смех гулким эхом прокатился по невидимой анфиладе.

– Ай да Богиня! Вы произведёте в Небытии настоящий фурор, дор...эээ... Лоос! Вестник останется доволен...

Вместе с Янитором Лоос проследовала в соседнее помещение. Это был гигантский зал, с колоннами и паркетом, который... шевелился, словно живой! Странно было идти по мягкой, слегка волнующейся субстанции. Эльфийка всё время боялась упасть, а невозмутимый привратник, демонстративно не обращая внимания на дискомфорт госты, начал свой инструктаж:

– Прежде всего, о Королева Тёмных, Вестник просил предупредить тебя, что если, возникнет такое желание остаться в Чертогах, то препятствий с нашей стороны не будет. Ведь в новом мире вы, простите, пока никто. Даже сестрица ваша, взбалмошная Королева Пауков, повелительница дреу, здесь упоминается только в манускриптах на самых заброшенных полках библиотек. Никто и никогда её не видел. Парочка запущенных и заросших храмов в джун-

глях на самом краю мира. Ну а сами дреу почти исчезли, не принимаемыми другими семьями эльфов, ренегаты. Захотите подробностей, в Чертогах есть хорошая библиотека. Кажется, в северном крыле, или в западном... Не важно, она постоянно мигрирует. Пожелайте что-нибудь почитать, мысленно – и вскорости окажетесь на её пороге. Ну, да я отвлекся. Небытие. Понятие мира, планеты тебе нужно объяснить?

– Нет, привратник, – Лоос решила немного слукавить, пусть этот напыщенный слуга Хранителя, как можно больше выдаёт информации, а уж она разберётся что к чему. Королева уже успела немного прийти в себя и ощутила огромное желание вернуть, во что бы это ни встало, былую магию. Пустота и холод, поселившиеся внутри с осознанием потери главной составляющей её сущности, неприятно подчёркивали беспомощное положение. Даже какой-то привратник позволяет себе неуважительное отношение к Богине, пусть и бывшей, возмутительными намёками!

– Наиболее богат разными расами Северный материк, – продолжал Янитор, не замечая, как хищно и зло заблестели глаза у Королевых Тёмных Эльфов. На Западе его преобладают земли людей, или, как их чаще называют древние расы, хумансов. Встречаются человеческие поселения и в центральной части, но гораздо реже. Юго-Запад и Северо-Запад – исконные владения эльфов или альвов, Север и часть Северо-Востока вперемешку населена гномами, Лесными орками. Восток до самого океана – племенами Степных орков. Они же населяют и Южный Континент – Чёрные орки. Клыкастые – самая многочисленная раса Небытия после хумансов. Они называют людей «вазунгу» за их способность селиться в любых местах, вытесняя коренные народы. О, если бы они не были столь непримиримы со своими родственными ветвями с Севера и Востока, то, объединившись, завоевали бы весь мир! Но орки – слишком вольный народ, не склонный к долгой жизни на одном месте. И очень... ммм... горячий. Ну, не будем о них. Далее. Юго-Восток, до самых неизведанных и пустынных мест, граничащих с непроходимой Страной Горных Вершин, что населена самыми страшными существами Небытия, среди которых нам известны только драконы, виверны, доргауны и маторы, принадлежит шарангам, одной из самых закрытых и загадочных рас Небытия. Есть в этом мире и малые древние народы: половинчики или хоббиты, дриады, гарпии, гоблины, тролли, кобольды, лепреконы, дреу... и совсем уже исчезающие: фейри, вампиры, оборотни, доппельгангеры, навьи, сатиры, наги, гноллы, огры, даже... кентавры, хотя в их существовании даже мы с Вестником сомневаемся...

Янитор и Лоос перешли в следующий зал без окон, освещаемый парящими под потолком и двигающимися по сложным траекториям золотистыми шарами. Помещение напоминало гигантскую гостиную или столовую. Тут и там располагались столы с придвинутыми стульями и креслами с высокими спинками.

Вся мебель была выполнена из редких сортов дерева или из кости, а то и из камня. Резьба на одной из ручек кресла была выполнена столь искусно, что Лоос не выдержала и попыталась провести рукой по приглянувшейся голове грифона.

Барельеф неожиданно ожил и открыл глаза, негромкий возмущённый клёкот раздался из распахнутого клюва. Эльфийка отдёрнула руку.

– Не переживай, он не причинит вреда... опять дух Чертогов развлекается... от скуки.

– Странное место, Янитор, вы принимаете здесь гостей?

– Что? А... нет, мы покорим вас в более спокойном месте. А это – зал раздумий. Здесь можно присесть за любой стол и размышлять о разном... представлять всё, что угодно и Чертоги немедленно материализуют видения. Не стоит опасаться, они эфемерны, но и увлекаться не рекомендую.

– Почему? – спросила, внутренне поёжившись Лоос. От этой комнаты тянуло неизбежной безысходностью и тоской.

– Можно навсегда остаться в плену у своих фантазий... – грустно улыбнулся Янитор, затем посерьёзней и добавил, – выбраться из которого не поможет никакая магия.

Чем дальше продвигались эльфийка и великан, тем больше проникалась величиим места Королева Эльфов. Чуждая натуре Богини по своей сути, магия, грозная и сдержанная сила Чертогов, пугала и манила одновременно. Анфиладе чудесных и загадочных залов, казалось, не будет конца. Эльфийка почти потеряла счёт времени, всё дальше увлекаемая привратником...

Наконец, после отворившихся очередных дверей они оказались... в тропическом лесу, наполненном криками зверей и птиц, мириадами разноцветных бабочек, буйным переплетением причудливых растений, вырастающих, цветущих и увядающих с нереальной быстротой.

Восторгу Лоос не было предела. Воздух вокруг был насыщен экзотическими ароматами, Королеве показалось, что где-то за деревьями она слышит звуки водопада. Это была феерия жизни и смерти, сменяющих друг друга; бесконечный круговорот начала и конца. Дочь Хаоса почувствовала, как затрепетало её тело, впитывая эманации этого места.

Немного дальше на небольшой поляне располагалось маленькое озерцо, в центре которого возвышалась глыба тёмного гранита. На которой, на самой вершине балансировала, стоя на одной ноге, как живая, скульптура девушки. Тело прекрасной незнакомки было выполнено из древесины тёмно-красного цвета. Поза скульптуры, не смотря на кажущуюся неустойчивость, была естественной, и внутренняя стремительная сила, казалось, вот-вот оторвёт её от камня и бросит вперёд в неудержимом беге.

Подойдя ближе, эльфийка поняла, что обманулась. Статуя никак не могла принадлежать молодой девушке. Застывшее выражение лица скульптуры, яростный огонь, бушующий в рубиновых зрачках, крепко сжатые губы, превратившиеся в едва видимую полоску... Океан едва сдерживаемой ярости и ненависти, был в этой... Богине?! Тысячелетней, неугасаемой, нетленной...

– Кто это, Янитор? – вполголоса произнесла Лоос, не удержавшись от вопроса.

– Богиня Сущего, Повелительница Начала и Конца, основательница рода дриад, которым покоряется всё живое в этом мире... Эвридика Беспощадная... Только это всего лишь её тень. А вернётся ли в леса Небытия её сила? Не знаю. Не наше это дело. Хранители лишь наблюдают молодые миры...

– Как печально, Янитор... Боги – соль мироздания, они отражение, поддержка и защита для поклоняющихся рас! Боги не могут оставить сиротами своих детей...

– Но вы же оставили, Королева Тёмных.

– ...Ты несправедлив и жесток, слуга Хранителей. Эскул понял бы меня лучше. Не я оставила без покровительства Тёмных в старом мире!

– Да, да. Вы просто не смогли их защитить, и Светлые истребили всех до единого. Не обижайтесь на правду, Богиня, факты – упрямая вещь.

– Пока я жива, род Тёмных альвов не пресёкся!

– Ну-ну... мать народа, понимаешь. Пойдёмте, ещё кое-кого надо посетить...

На этот раз зал выглядел довольно аскетично и, будь здесь целитель, с которым были знакомы наши собеседники, то он сразу бы узнал и серые стены, и три ниши с женскими скульптурами из разноцветного мрамора, держащие в руках прообразы лун Небытия.

– Фидем, Спера и Амор, – назвал каждую по отдельности Янитор внимательно разглядывающей скульптуры эльфийке.

– Какие печальные лица... – Лоос провела пальцем по красному шару Амор.

– Ничего удивительного, в этих залах Чертоги, словно зеркало, отражают чаяния всех тех, кто поклоняется разным божествам. Культ Трёх Сестёр в Небытии всегда покровительствовал обиженным, обделённым, скорбным душой и телом. Какое уж тут веселье...

Эльфийка надолго замолчала, остановившись. Взгляд её блуждал по замершим в неподвижности фигурам Богинь. И чувство глухой тоски и потери снова проснулось в груди. Да с

такой силой, что захотелось немедленно застонать, завывать, подняв голову к потолку мрачного комнаты, что стала склепом для веры, надежды и любви нового мира.

В самом центре серого свода зала Лоос заметила небольшую полусферу, словно наполненную водой, через которую едва пробивались солнечные лучи, служившие единственным источником света. Между ними в прозрачной глубине, словно в ловушке, металась единственная золотая рыбка, поблёскивая чешуёй... Последнее терпение эльфийки кончилось.

– Хватит!!! Янитор! С меня хватит этих бессмысленных блужданий... Дурацкая затея, слуга Хранителей. Не знаю... чего вы хотите этим добиться... но заставить Королеву Тёмных алльвов смириться со своей беспомощностью...

Лоос стояла перед великаном, гордо выпрямив спину. На её бледном лице с тонко сжатыми губами проступило выражение отчаянной решимости, она крепко сжимала маленькие кулачки, пряча их за спиной.

В тишине образовавшейся после криков Богини паузы раздались редкие и громкие хлопки ладоней. Привратник аплодировал, серьёзно, без малейшей тени иронии, разглядывая рассерженную эльфийку:

– Bravo, девочка! – с этими словами фигура Янитора подёрнулась серой дымкой, потекла и в несколько мгновений трансформировалась в...

– Эскууул!? – напускная невозмутимость немедленно слетела с лица Лоос.

– Нет, Королева, не надо так волноваться. Я решил, что этот образ будет больше способствовать нашему доверительному разговору. Я – Вестник, один из Хранителей Миров. И, честно говоря, устроил эту прогулку для того, чтобы понаблюдать за тобой, Королева. Новые реальности – нестабильны. И Небытие – не исключение. Сейчас – это девственный для божественных сущностей новый мир, и нам бы не хотелось пускать в Небытие того, кто бы мог способствовать разрушению его основ. Даже если это всего лишь придуманная для развлечения скучающих людей Богиня. Прости, если оскорбил...

– Не стоит извинений... Вестник, – Лоос, с интересом рассматривая Хранителя, стала медленно обходить его по кругу, – и как? Я достойна вашего мира?

– Не совсем верный вопрос, Тёмная Лоос. Точнее будет сказать, готова ли ты начать всё с нуля, чтобы вернуть себе былую силу и стать значимой фигурой в новом мире?

– И что же я для этого должна сделать? – Лоос чуть-чуть расслабилась, интуитивно чувствуя, что нащупала правильную нить разговора. Она вступала на так хорошо знакомую тропинку интриг и раздоров...

– Хм, – задумчиво ухватился пальцами за свой подбородок Вестник, – пока нам рановато об этом говорить... Но! – и Хранитель в мгновение ока оказался лицом к лицу с Тёмной Королевой. Пальцы его правой руки железной хваткой зафиксировали шею эльфийки. В глазах его Королева Тёмных увидела ту самую бездну Хаоса, что так поразила её в спальне.

– Когда придёт время, а оно обязательно придёт, Лоос... я или кто-нибудь из Хранителей попросим тебя об услуге...

Эльфийка ответила грозному Вестнику шальным взглядом, не выдавая испуга. Улыбнулась самой очаровательной из своих улыбок, не обращая внимания на боль от стальных пальцев Хранителя. Облизнула губы кончиком языка и произнесла:

– Я конечно же исполню всё, о Великий! – и ещё преданнее посмотрела в самую глубину зрачков Вестника.

Железная хватка тут же ослабла, эльфийка с трудом подавила порыв растереть кожу шеи, которая неприятно засадила.

– Что ж, – спокойным ровным голосом продолжал Хранитель, – его веки лишь на мгновение закрылись, и снова перед Тёмной Королевой стоял знакомый целитель с тёплым ироничным взглядом. – Пожалуй, стоит отпустить тебя в Небытие, хотя Янитор и предлагал поселить навечно в Чертогах...

Вестник повернулся к одной из стен, покоев Трёх Сестёр и шагнул, будто не замечая препятствия. Стена истаяла, расступилась. По краям проёма закипел, заklubился лавовыми потёками камень и застыл причудливыми валунами. Лоос с опаской последовала за Хранителем, уже устав удивляться чудесам Чертогов.

На этот раз это была настоящая пещера, высеченная грубо и практично в гранитном монолите. Следы горного инструмента были заметны не только на стенах, но и на поверхности каменного стола, что располагался у дальнего края, как раз рядом с треугольным камином, в котором Тёмная Королева могла бы поместиться целиком.

Вестник, размашисто шагая, приблизился к столу, присел на один из квадратных валунов, что были расставлены вокруг него на манер стульев. Хранитель небрежно указал эльфийке на соседний камень, на котором тут же появился тканый ковровый чехол, а поверхность стола стала заполняться блюдами с разнообразными яствами. Движением брови Вестник заставил вспыхнуть огонь в камине. Магическое пламя ярко плеснуло отсветами на суровые стены, блеснувшие искрами кварцевых прожилок. Тени летучих мышей заматались под сводами.

– Присаживайся! – Вестник ещё раз кивнул на соседний камень, – сейчас отправлю тебя. Игры закончились. Поешь. Хоть это не особенно и нужно, но хотя бы время убьёшь.

– А почему бы сразу не отправить меня, Великий? – ласковой кошечкой уюстилась Тёмная Королева на предложенное место и, облокотившись локотком на стол, подперла кулачком щёку.

– Я думаю, подробности будут тебе непонятны, но всё равно скажу, – вестник со вздохом стал наливать себе в высокий кубок из ближайшего кувшина, – тело, в котором ты сидишь предо мной – временное. Через несколько часов оно начнёт разрушаться. Чертоги не место для существ из плоти и крови. И не делай таких круглых глаз, Тёмная! Настоящее тело, ни на молекулу ни отличающееся от настоящего, ждёт тебя в Небытии. А чтобы переместить в него твою душу нужно время, энергия... А! Кому я это объясняю... – Хранитель шумно отхлебнул из кубка и задумчиво уставился в огонь камина.

– Простите, великий... а ммм... куда вы меня планируете отправить?

– А куда бы тебе хотелось, Королева Тёмных? – кисло улыбнулся Вестник.

– Думаю, это очевидно, Вестник... эльфы, мой народ...

– Очевидно? Да неужели? И к какому Дому ты хотела бы примкнуть?

– Дому? – Лоос растерянно заморгала, – но у Тёмных один Дом...

– Эх, горе ты наше заблудившееся... только на Северо-Западе более тридцати Домов Тёмных! Это Небытие, Королева... Тебе для начала следует осмотреться, взглянуть на новый мир изнутри. Почувствовать его сильные и слабые стороны.

– Но как же... магия...

– Да вернуться к тебе способности, не трясись! Не совсем в том объёме, какие были. Честно говоря, не представляю, как ткань мироздания тебя примет. Я и в Чертогах ощущаю твою нейроматрицу, как чудовищную аномалию... – едва слышно пробормотал Вестник.

– Мою ней... что? – подалась вперёд Лоос, интуитивно чувствуя, что Хранитель невольно приоткрыл ей завесу над какой-то тайной.

– Не отвлекайся! Всё равно мои пояснения породят только ещё больше вопросов... – Хранитель решительно встал, хлопнув негромко ладонью по каменной столешнице, – я реплицирую твою сущность на Северной материке, на землях одного из королевств хумансов у границы с одним из Домов Тёмных... так уж и быть. Отправлю к родственникам. Хе-хе... Сама решишь куда, что и... нужны ли они тебе... И ещё один подарок, длинноногая, – подмигнул Вестник Лоос, да так похоже на Эскула, что эльфийке на секунду показалось, что неугомный целитель рядом.

– В чужом мире каждый ммм... близкий человек, на которого можно опереться, на вес золота. Ну... а Эскул сейчас направляется к отрогам Серединного хребта и, по моим расчётам,

к исходу осени будет в Орандаре, гномьем форпосте. Так что... Станет туго, там его и ищи... понимаешь?

– Благодарю, Вестник... – Лоос встала и искренне глубоко поклонилась Хранителю. Пусть и по неясной ей прихоти, властитель здешней реальности благоволил ей. Упрямая вертикальная складка легла меж бровей эльфийки, – что я должна делать?

– Спешись, Королева... неужели так тянет в неизвестность?

– Неизвестность лучше неопределённости, Вестник. На что из своих способностей я могу надеяться в Небытии? Или отправите в одном платье и туфельках? – не удержалась от смеха Лоос.

– Хм, в Чертогах я могу создать любую одежду и оружие, но переправлять что-либо в новый мир энергозатратно, да и непреложный закон Хранителей запрещает. Придётся тебе самой. Природа на твоей стороне. Будучи в новой реальности, ты сможешь заново познать своё тело. В физическом и магическом плане. Как и Эскул, ты станешь бессмертной. Это тоже один из законов переноса нейроматрицы. Но не торжествуй преждевременно, вкуси радость возрождения сначала... – на этот раз улыбка Вестника не понравилась эльфийке.

– Что ж, мне не привыкать, Хранитель. Светлые не раз пытались лишить меня сути и принести в жертву. Боль – ключ к новому опыту и познанию себя. Этому я учила своих Рейнджеров. А одежда и оружие? С ними было бы намного проще... я разберусь!

– Я и не сомневался! – с лица Вестника слетела улыбка. Он медленно подошёл к треугольному жерлу камина, в котором полыхал огонь, – прошу, Королева! Истинные герои рождаются в пламени. Не будем нарушать традицию. Вам необходимо пройти сюда, – Хранитель исполнил изящный полупоклон и указал на камин.

Тёмная Королева молча взглянула на сполохи огня, исполняющие безумный танец, посмотрела на вестника, улыбнувшись лишь краешками губ. Лишь сузившиеся веки и трепещущие ноздри выдавали в ней волнение.

Не успел Вестник произнести ещё какие-либо слова напутствия, как Лоос, стремительно приблизилась к камину и, не задерживаясь ни на мгновение, скрылась за стеной пламени...

Хранитель удивлённо покачал головой и мановением руки потушил огонь:

– По крайней мере, не пришлось озаботиться утилизацией органики. Одной заботой меньше, – силуэт Вестника распался на мириады искр, которые постепенно гасли во глубоком мраке, заполнившем Чертоги.

* * *

А Вестник-то не соврал... Лоос едва пришла в себя от череды кошмарных ощущений, лёжа на голой земле. Ночь нового мира встретила эльфийку парадом трёх лун. Разноцветные светила притягивали взгляд и завораживали, позволяя сконцентрировать внимание на отвлечённом объекте.

Боль постепенно, по капле утекала, всё меньше пульсируя в голове и простреливая вдоль позвоночника. Ощущение горячей кожи и запах палёных волос не отпускали сознание Лоос. Звуки ночного леса лишь сейчас стали пробиваться сквозь звон в ушах, оставшийся от собственного крика. Нещадно саднило горло.

Лоос попыталась встать. С трудом, но это ей удалось. Оскальзываясь на влажной земле, эльфийка попыталась перевернуться и угодила в канаву, наполненную мутной и вонючей жижей. Болото? Что-то или кто-то пробежал по обнажённому бедру, невыносимо зачесались стопы, погружённые в невидимую грязь.

Встав в полный рост, Королева оглянулась. Свет лун позволял увидеть, что она ошиблась. Слава Хаосу, не болото. Всего-лишь русло старого ручья, перемежаемое старыми промо-

инами со стоялой водой. Позади тёмной непроницаемой стеной стоял лес. Впереди виднелись контуры холмов.

Задул промозглый ветер и Лоос окончательно убедилась, что на ней нет одежды. И тут Хранитель не обманул. Всё, как и было обещано. Голая и бессмертная...

Лоос прислушалась к себе и... чуть не задохнулась от счастья! Магия! Она снова её чувствует и ощущает. Ничего, что резерв почти исчерпан. Есть много способов его восстановить. А до тех пор, пока она уязвима, нужно уйти с открытого места.

Эльфийка не чувствовала на лигу вокруг ни одного живого разумного. Только ночные охотники и птицы. Без эликсиров и стационарных источников, магический резерв можно восполнить только двумя способами. Место Средоточия или Астрал.

Для начала следовало воспользоваться поиском первого, ибо второй способ был опасным и ненадёжным. Даже для бывшей Богини. Любая реальность имела несколько планов сущего, и обитатели этих горизонтов не приветствовали попытки визитов в их пределы. Сама же ткань Астрала была просто перенасыщена магической энергией. Даже пассивное пребывание в нём позволяло восполнить резерв.

Лоос сосредоточилась, сделав медленный поворот вокруг себя. Есть! Она не ожидала так быстро найти путеводную нить Средоточия, которая находилась в пяти минутах ходьбы в глубине леса.

Обнадёженная хорошими новостями, Тёмная Королева поспешила к искомой нити, ругаясь чёрными словами вполголоса. Путешествие босой и без единого клочка одежды по дикому подлеску не располагает к душевному равновесию.

Пять минут превратились в добрых полчаса, Лоос успела исполосовать бёдра колючками какого-то кустарника и чуть не выколоть глаз в темноте торчащей веткой. Луны светили исправно, но тени... лесные тени доводили эльфийку до бешенства.

Наконец, её нелёгкое путешествие было вознаграждено. Стоило коснуться линии Средоточия, как всё тело Лоос отозвалось радостным трепетом и магия живительным потоком, по капле устремилась к каждой клеточке исстрадавшегося тела...

Мир Небытия соприкоснулся и принял блудную дочь в свои объятия...

Глава четвёртая. Nauthiz

Кентурию Бордаху спасительный сон пришёл лишь под утро. Орку показалось, что стоило лишь на мгновение смежить веки, как кто-то стал интенсивно трясти его за плечо.

Он вслепую отмахнулся от назойливой помехи. Грохот падения был заглушён чьими-то ругательствами. От недосыпа голова плохо соображала, в шатре царил полумрак и холод. Очаг погас давно, даже угли не светились.

– Кентурий! Просыпайся, беда... – хриплый голос шамана, нагнувшегося над Бордахом, вкупе с невыносимой вонью из его рта окончательно отогнали сон. Чёрный сел, оглушительно чихнув, от чего нога вновь взорвалась болью.

– Ааа! Отродье самки фарагнга! Что случилось, шаман?!

– Убийство, кентурий! Серрагха убили...

– Чтооо!!! – взревел разъярённый кентурий, – проклятый наёмник, чтоб его духи за яйца подвесили! Коня мне! Сам не дойду... И... фанку дай... – тяжело дыша кентурий поднялся с подстилки и, хромя, вышел на воздух.

Здесь было намного светлее. Солнце ещё только пыталось показать край диска над пустынным горизонтом. Из-за шатра показался семенящий шаман, ведущий одной рукой за повод кобылу Бордаху, другую прижимая к левой половине лица, с укоризной поглядывая на кентурия.

Приглядевшись, Чёрный орк заметил у шамана наливающийся на левой половине лица здоровенный синяк. Значит это его он приложил спросонья.

– Свою тоже седлай, Зохард. И сумку свою прихвати, чую, непросто всё с этим убийством...

У шатра Серрагха собралась большая толпа наёмников, гудящая, словно рой диких пчёл. С появлением кентурия, к которому присоединились четыре орка-охранника, галдёж стих и недовольно порывающиеся степняки расступились.

Наёмники славились своей вольницей, но авторитет Бордаху, а, самое главное, его тяжёлый нрав заставлял если уж не уважать, то побаиваться кентурия точно.

Место ночного происшествия степняки не тронули. Окоченевший труп Серрагха, лежащий ничком в луже собственной крови, Смотритель, белой скомканной тряпкой застывший неподалёку от своего убийцы, да сжавшаяся в комок хуманка у дерева, с затравленным видом безуспешно пытавшаяся стать невидимой.

Кентурий тяжёлым взглядом обвёл наёмников, безошибочно выхватив из толпы лицо разъярённого Мирдаху, брата погибшего. Однорукий воин, как и Бордаху, прошедший огненный ад при взятии Варрагона, стоял, скрипя клыками от нетерпения, но без команды не вступал.

Посмотрев ему в глаза, кентурий кивнул:

– Рассказывай, Мирдах!

– Досточтимый, я нашёл брата утром, мы оставили всё, как есть... проклятый шаранг убил его! Я потребую...

– Помолчи! – кентурий скривился от очередного приступа боли, – возьми себя в руки, подумай головой, наёмник. Зачем Смотрителю Оазиса убивать степняка? Зохард, доставай кости... спроси у духов, что здесь произошло...

Наёмники вместе с одноруким Мирдахом поспешно расступились, тихо ворча и опасливо поглядывая на шамана, который стал суетливо бегать вокруг трупов, расставляя по периметру маленькие костяные тотемы. Кентурий следил взглядом за действиями Зохарда, заметив, как тот старается двигаться аккуратно, чтобы не задеть тело Смотрителя. Запахло горячей травой, едкий дым из горшка, в который шаман накрошил каких-то корней, медленно расплзлся

по поляне. Конь кентурия замотал головой, недовольно фыркая. В наступившей тишине зазвенели серебряные кольца уздечки.

Взгляд Бордаха зацепился за вжавшуюся в ствол дерева хуманку.

– Откуда эта девка, Мирдах?

– Эээ... досточтимый... Серрагх взял её в походе к упавшей звезде... – однорукый потупил взгляд.

– Чтооо!?! – рёв кентурия отразился эхом от ближних барханов, – быстро тащите её сюда!

– Досточтимый, она не говорит на языке степи и на шаранге тоже... дикая совсем...

– Я. Сказал. Привести, – обманчиво-ровный голос кентурия заставил наёмников немедленно выполнить приказ и бросить безволосую хуманку на песок перед Бордахом. – Серрагх нарушил правило каравана... Утаил добычу. Я не прав, наёмники? – воспалённые глаза Чёрного орка уставились на однорукого степняка.

– Ты прав, досточтимый! – Мирдах выступил вперёд. – Хуманка – общая добыча. Закон Степи.

– Значит и отправьте её к остальным пленникам, что пойдут на продажу в Эль-Каре.

Однорукый наёмник покосился на лежащую у ног хуманку:

– Одно слово, досточтимый. Девка ранила нашего воина, когда мы её брали, и... она видела смерть Смотрителя.

– Ты хочешь что-то предложить, степняк? – кентурий сплюнул фанку и незаметно перенёс вес тела на здоровую сторону, упершись носком сапога в стремя.

– Я не знаю, что выяснит шаман, кентурий... но смерть Смотрителя Оазиса простыми причинами шарангам объяснить не удастся, а лишние свидетели... – Мирдах многозначительно поправил единственной рукой ножны ятагана.

– Ты боишься безволосой хуманской девки? – тихо спросил Бордах, наклонившись вперёд к однорукому, чтобы не слышали другие наёмники.

Кисть руки Мирдаха сжалась в кулак. Обвинение в трусости – тяжёлое оскорбление для наёмника. Даже от старого военачальника...

И неизвестно, чем бы закончился этот спор, если бы не шаман, подошедший к Бордаху и не подёргавший его деликатно за кончик сапога.

– Ну!?! – рык кентурия, обернувшегося к Зохарду, заставил того отшатнуться, – что сказали духи?

– Досточтимый... ммм... ночные духи уже ушли, а духи пустыни сказали очень мало. Первым умер Смотритель Оазиса и только потом – Сын Степи... причины не совсем ясны, но если досточтимый подождёт, то я составлю более сложный ритуал...

– А! Отрыжка шакала! Зохард, пошёл с глаз моих! Всё приходится делать самому... – Бордах в сердцах соскочил с коня, забыв о раненой ноге и чуть не повалился в песок от дикой боли. Через несколько долгих мгновений, когда тьма перед глазами рассеялась, Чёрный орк подхватил левой рукой сеть, в которую была запелёната хуманка и потащил её без видимого напряжения к трупам, заметно хромая.

На месте, постепенно окружаемый любопытными наёмниками, Бордах опустился на колено, вытащил из-под трупа Серрагха его ятаган, осмотрел и даже лизнул лезвие, удовлетворённо кивнув. Затем аккуратно перевернул тело Смотрителя, провёл рукой по запёкшейся длинной ране от плеча до паха, пошарил на поясе шаранга и, ничего не найдя, нахмурился. Развернулся к трупу степняка, расстегнул на нём оружейный пояс с сумками:

– Постелите что-нибудь на землю, – буркнул кентурий. Кто-то принёс старую, залатанную кошму и постелил её под ноги Бордаху. Тот стал доставать из поясных мешочков и кошеля Серрагха всё их содержимое и бросать на подстилку. Золотые и серебряные монеты, кисет с фанкой, несколько серебряных колец и серёг, костяные обереги, ожерелье из шлифованных камней, даже несколько наконечников для стрел, зачем-то хранящиеся в кошеле.

Кентурий разочарованно выпятив нижнюю губу потряс кошелём над горкой имущества убитого. Дружный вздох изумления пробежал по рядам наёмников, когда из складок выскользнула матовая виноградина и, стукнувшись о лезвие ятагана, выкатилась на кошму.

– Слеза Пустыни... – Бордах выхватил двумя пальцами драгоценность и под жадными взглядами наёмников поднёс её к самому носу. Сморгнув, кентурий нехорошо оскалился, схватил хуманку за плечо и, встряхнув, заорал ей в лицо:

– Откуда у Серрагха этот камень!? – орк поднёс Слезу к глазам хуманки.

Девушка закусила губу от боли, кентурий сжал её плечо до хруста костей. По подбородку хуманки побежала струйка крови. Видимо вспомнив, что девка его не понимает, Бордах спрятал Слезу в своём кошеле и, обернувшись к однорукому, скомандовал:

– Быстро снимаемся! Мирдах, трупы немедленно оттащить в барханы и глубоко закопать... Я сказал, закопать!!! Жечь некогда, духи простят... Хуманку?.. Там же, закончите быстро и тихо... И... заройте так глубоко, чтобы ни один падальщик не унюхал... Следы крови скрыть, землю унести подальше от Оазиса и разбросать по барханам. Солнце за нас всё сделает... И быстро, быстро, я сказал, отродья шакалов!!!

Наёмники и подошедшие позже Чёрные орки недовольно зашумели. Шутка ли, впереди дневной переход под палящим солнцем, а караван должен срываться, как покусанный скорпионами... Без завтрака, наспех собирая шатры... Недовольные лица орков и язвительные шепотки разъярили кентурия ещё больше.

– Молчать!!! Кому не нравится, кто недоспал или недоел может оставаться у Оазиса и догонять меня и невольников на караванном переходе... если повезёт. Вы что, недоумки, решили, что шаранг простят нам смерть Смотрителя?

Постепенно толпа рассосалась. Кентурий недовольно посмотрел на восток. Солнце уже поднялось над горизонтом. Караванчики суетливо разбирали шатры, воины охранения вместе с наёмниками перекладывали трупы на волокуши. Однорукий степняк перекинул связанную хуманку через плечо и, покрикивая на возившихся могильщиков, зашагал к барханам.

Бордах остался у шатра Серрагха, задумчиво присев у ствола того самого дерева, что было свидетелем убийства. Кентурий вытащил Слезу Пустыни и катал её на ладони, недовольно хмуря брови. Нехорошее предчувствие не отпускало Чёрного орка. Все предпринятые им меры казались детской игрой. Орки Южного Континента много столетий не воевали с шарангами. Ещё дед Бордаха в старой крепости Орды на берегу Серединного Моря рассказывал внуку о древнем и тщательно скрываемом страхе Чёрных, когда-то чуть не исчезнувших с лица мира до самого последнего поселения три века назад. А всё почему? Захотелось тогдашним вождям богатств, что скрывало Царство Шаранг...

Прошло не меньше получаса, пока кентурий не услышал свист бичей надсмотрщиков, что поднимали невольничьи колонны и загоняли их в караванный строй.

Орки-охранники помогли хромящему Бордаху снова взобраться на лошадь. Утвердившись в седле, кентурий в нетерпении окинул взглядом спешно поднятый караван. Подъехал шаман, протягивая кентуриону бурдюк с брагой. От старого хитреца не укрылись возобновившиеся страдания Бордаха.

Чёрный орк не любил мешать фанку с брагой, от этого надолго ухудшалось зрение и к вечеру дико раскалывалась голова, но боль в ране при каждом шаге лошади заставляла скрежетать зубами.

Сделав внушительный глоток, он вернул бурдюк шаману:

– Где Мирдах? – обратился кентурион к подъехавшей группе наёмников.

– Ещё не вернулся, досточтимый, – десятник степняков коротко поклонился.

– За это время можно было зарыть мою лошадь, выкопать и снова зарыть! Пошлите за ними!

Два степняка сорвались с места в галоп, но тут же осадили лошадей. По каравану раздались крики:

– Шаранг! Ша-а-аранг!!!

Вот оно... сбываются самые плохие предчувствия. Из-за барханов, с закатной стороны, сначала одинокими точками, затем цепью тёмных силуэтов показались приближающиеся всадники.

Надсмотрщики остановили начавшие движение колонны и усадили невольников прямо на песок. Воины охранения из Чёрных орков поспешно окружили кентурия с шаманом, взяв в кольцо. Наёмники, разделившись на два неравных отряда сместились по разные стороны, крича возничим на повозках, чтобы те выстраивали их стеной.

– Поздно... – едва слышно произнёс остановившийся рядом с Бордахом шаман.

– Что?!

– Прикажите наёмникам не сопротивляться... шаранг привели Ведьм...

– Киррагх, Сердаргх! Передайте степнякам, что, если кто-нибудь выстрелит в шаранг или метнёт копьё, я лично распорю ему живот и заставлю сожрать свои дерьмовые кишки... – недвусмысленная угроза, высказанная наёмникам, немного успокоила кентуриона. Может... ещё удастся выкрутиться?

Бордах никогда не праздновал труса. Вот и теперь, не обращая на предостережения охраны внимания, он тронул поводья лошади и выехал вперёд, навстречу приближавшейся группе всадников на фарангах.

Коренастые, обманчиво медлительные ящеры вдвое превышали по величине самую крупную лошадь. Толстая кожа серебристо-серого цвета, с чернотой в складках могла выдержать в упор выстрел из арбалета. Шаранг, восседавшие на ящерах с неестественно прямыми спинами и каменным выражением лиц были вооружены луками и длинными копьями с развевающимися у основания листовидных наконечников разноцветными клановыми лентами.

У ближнего десятка шаранг все ленты были синими. В самом центре группы на необычном светлом фаранге восседала женщина с гривой ослепительно-белых волос, переплетённых такими же синими шнурами. Свободная одежда шаранг в отличие от остальных сопровождающих, отдававших должное традиционным белым цветам, на незнакомке была золотой, перехвачена в талии тяжёлым поясом с инкрустацией лазурными самоцветами. Руки женщины, обнажённые до плеч, были покрыты вязью цветных татуировок, при движении создававших иллюзию сполохов красного пламени.

Абсолютно равнодушный взгляд бирюзовых глаз, едва остановившийся на лице кентуриона, и тут же сместившийся куда-то в точку над головой орка, заставил Бордаха внутренне поёжиться. К ним в гости пожаловала не простая Ведьма Шаранг... Уж в чём, в чём, а в царских знаках Чёрный орк, опытный путешественник, знал толк. Эта женщина – плоть от плоти, кровь от крови Царицы Пустыни. Только члены высокой семьи могли носить в этих землях на одежде золотые цвета.

Сбоку послышался шелест одежды и позвякивание металла. Бордах скосил глаза, пытаясь не упускать из поля зрения Ведьму. Спешившийся шаман распростёрся ниц на песке, старательно не поднимая головы.

Досадуя на свою несообразительность, кентурион сполз с седла и, стараясь сохранять достоинство, встал на одно колено, опираясь на здоровую ногу. И, наконец, удостоился внимания Ведьмы:

– Вставай, Чёрный. Тебе придётся ответить на мои вопросы, глядя в глаза.

Орк поднялся, не сдержав болезненной гримасы. Шаранг скользнула взглядом по его бедру с повязкой и продолжала, не вдаваясь в детали:

– Как погиб Смотритель?

– Мы нашли его у палатки вместе с трупом одного из степняков...

– И решили зарыть следы поглубже, пока никто не узнал... как это старо и предсказуемо, орк. Ты не производишь впечатления глупца, Чёрный...

– Я только хотел...

Ведьма повела бровью и Бордах почувствовал, как горячий комок начинает переполнять его гортань и мучительно зашёлся в кашле. На губах его выступила кровь, внутри всё похолодело.

– Не оскверняй ещё большей ложью своё положение, – шаранг махнула рукой и к ним подъехали всадники на фарангах толкая древками копий связанных степняков, которым кентурий поручил скрыть трупы и свидетельницу, – наёмники уже всё рассказали. Их командир убил Смотрителя Оазиса, уважаемого и любимого шаранга из рода Джогар. Убил под покровом ночи и осквернил кровью воды озера! – глаза Ведьмы вспыхнули, губы сжались в тонкую полоску, под загорелой кожей заходили желваки. – Единственное, что мне непонятно, это зачем твои наёмники утащили вместе с трупами молодую хуманку?

– Она была рядом с трупами, связанная... Серрагх взял её в походе... мне не сказал... – едва отдышавшись просипел Бордах.

– Хм... – Ведьма в золотом нахмурилась, – она многое видела... Как кстати... Сестра! – шаранг обернулась к одному из всадников на фаранге, лицо и голова которого были замотаны куском белой ткани так, что видны были лишь глаза. Серебряная упряжь ящера, дорогое седло из кожи виверны, носки и каблуки изящных красных сапог тонкой замши, инкрустированные костью, – всё это просто кричало о непрестом происхождении.

Когда незнакомка подъехала ближе и шаман с кентурием смогли разглядеть на её запястьях наручи из лунного серебра, надежды на возможность что-то скрыть от беловолосых испарились, как роса под полуденным солнцем.

Видящая Суть! Эта Посвящённая Ковеном могла влезть в голову любому, узнать все секреты, как не хотел бы их скрыть вопрошаемый. Ходила легенда, что даже умершие говорили с Ведьмами, обладающими даром Видящих.

Два высоких шаранга привели безволосую хуманку. От жары и усталости та еле держалась на ногах. От пут её уже освободили. Но самостоятельно передвигаться и даже стоять та не могла, упав коленями на песок, как только воины её отпустили.

Ведьма с закрытым лицом подошла к хуманке и обхватила её голову ладонями, заглянув в глаза.

– Узнай всё, что нужно, сестра! – властный голос Ведьмы в золотом заставил кентуриона вздрогнуть. Стоящие в отдалении наёмники напряжённо следили за происходящим.

Видящая Суть прикрыла веки и запрокинула голову, положив руки на плечи хуманки. Через мгновение безволосая закатила глаза и тихо опустилась на песок. Ведьма присела рядом на пятки, переложив голову девушки себе на колени и, не открывая глаз, начала тихо раскачиваться...

Спустя несколько минут Видящая замерла, встряхнулась, передёрнув плечами, и, медленно поднявшись, нетвёрдой походкой проследовала к Ведьме в золотом. Шаранг что-то долго и подробно обсуждали тихими голосами. Как не силился Бордах, услышать ничего не удалось. Они почти час проторчали на самом солнцепёке, пот градом катился по лицу орка, нога болела всё сильнее...

Наконец, обсуждение завершилось. Воины шаранг подняли хуманку, что до сих пор лежала без движения и унесли в шатёр, расположенный на вершине большого бархана. Откуда-то появилось ещё довольно много беловолосых воинов. Ведьма в золотом спешила, подошла к Бордаху и протянула руку ладонью вверх.

Кентурион не нуждался в лишних пояснениях, он всё прочёл в глазах белоголовой. Бордах достал из кошеля Слезу Пустыни и аккуратно положил Ведьме на ладонь. Та покатила сверкающий под лучами солнца камень на ладони и задумчиво произнесла:

– Твой воин оценил жизнь Смотрителя в стоимость этой безделушки... кентурион. А сколько ты оценишь жизни своих караванщиков?

Гробовое молчание повисло над застывшими воинами, наёмниками и погонщиками. Лишь вдалеке, за их спинами, слышались редкие окрики надсмотрщиков, да лай степных псов.

Орки затаили дыхание. Что решит кентурий? Бордах заметил, что степняки нервно сжимают рукояти ятаганов, продолжая держать коней в поводу, готовые в мгновение ока сорваться, разметать беловолосых, рубиться неудержимым смерчем в строй шарангов. Численное преимущество было всё же на стороне караванщиков...

Кентурий перехватил насмешливый взгляд Ведьмы, которая читала по его лицу, как в открытой книге, все его мысли и резоны. И непроизвольно замотал головой, отгоняя видения близкой смерти.

– Мы... отдадим казну каравана, – выдохнул Бордах, сознательно наступая на горло своей гордости.

Разочарованный стон разнёсся по рядам наёмников, что в отчаянии плевали фанкой себе под ноги, переминаясь и нервно хватаясь за пояса.

Ведьма продолжала молча улыбаться. И кентурий... сломался:

– Твои условия, шаранг, – на что Ведьма удовлетворённо кивнула и вернулась к своему фарангу-альбиносу. Возбравшись в седло и расправив полы золотой накидки, она вынесла вердикт, обернувшись к караванщикам:

– Орки! Вы нарушили три главных закона этой земли! Закон гостеприимства: убили безоружного Смотрителя Оазиса. Закон Воды: осквернили кровью благословенные воды Оазиса. Закон Истины: попытались скрыть преступление и совершить убийство невинной женщины на Земле Шаранг.

Три Закона. Три Преступления. Три Наказания.

Кентурий стоял не жив, не мёртв, напряжённый, как струна. В душе его закипала ярость и обида на идиота Серрагха, на свою недалёковидность, на духов, что отвернулись от его удачи. Если бы степняк остался в живых, то он бы с огромным удовольствием свернул ему шею, ещё и ещё раз!

Голос Ведьмы продолжал обвинять:

– Кентурий Бордах, ты отдашь казну каравана, освободишь всех невольниц – женщин и выдашь им с собой столько припасов и повозок, сколько необходимо, чтобы добраться до ближайшего порта и... твой караван больше никогда не сможет останавливаться в Оазисах Шаранг, кроме, как для пополнения запаса воды. Любой орк из твоего отряда умрёт ровно через час пребывания в любом оазисе Великой Пустыни!

Чёрный кентурий ещё не успел осознать и десятой доли сказанного. Порадоваться тому, что остался в живых или огорчиться позору, которому будет подвержен в Орде, как степняки, подзадоривая себя дикими криками, рассредоточились и, умело прикрываясь повозками, начали забрасывать стрелами воинов шаранг, прикрывающихся щитами, сдёрнутыми с фарангов.

– Стойте!!! Безумцы!!! – едва слышимый хриплый крик кентуриона потонул в дикой какофонии звуков битвы.

Слава духам, орки-охранники быстро разобрались в ситуации и повалили кентурия на песок, прикрывая своими телами. Вереща и воя от страха слева полз шаман с дико выпученными глазами. Ржали кони, спешно подхлестываемые погонщиками.

Над местом стоянки неожиданно прогрехотал оглушительный гром. Бордах подумал, что сходит с ума, воздух посвежел, словно перед дождём. А затем кентурион, к своему жгучему стыду, и вовсе зажмурился, сцепив клыки. Ему показалось, что он снова перенёсся под стены Варрагона...

На стоянке вокруг караванщиков, куда ни посмотри, вспыхивали высокие стены и целые клубы из яркого пламени. Песок тут и там тёк, и запекался стеклянной коркой. Бегущие и скачущие степняки вспыхивали, как факелы, вместе с лошадьми и амуницией. Многоголосый крик боли и страха накрыл кентурия, в отчаянии прикрывшего голову полой плаща одного из охранников.

Кожу, покрывшуюся волдырями от ожогов, нещадно саднило. Едкий и сладковатый запах горящей плоти заполнил всё вокруг. Ад длился не более нескольких минут, но Бордаху они показались вечностью.

Налетел сильный ветер, пополам с песком, режущим открытые раны, и унёс в пустыню тошнотворный смрад пепла от сторевших тел не покорившихся наёмников. Куда ни падал взор кентуриона, везде лежали обугленные тела, судорожно сжимавшие превратившееся в оплавленные головешки оружие...

На всю эту картину невозмутимо взирали шаранг во главе с Ведьмой в золотом.

Бордах молча стоял перед ней, опираясь на плечо одного из охранников.

– Что ж, Чёрный, твои воины сами выбрали свою судьбу... мы забираем женщин и половину повозок, – беловолосая тяжело вздохнула, с сочувствием глядя на едва стоявшего перед ней орка. Достала из седельного мешка флакон тёмного стекла и бросила на песок перед кентурионом. – Отряд, которым руководит немощный воин, обречён на гибель, Чёрный. Возьми эликсир исцеления и веди свой караван дальше. Ты больше ничего не должен шаранг...

Ведьма развернула фаранга и удалилась вместе с остальными беловолосыми, покачиваясь в широком седле. А ветер пустыни трепал лазурные ленты в её волосах...

* * *

Последнее, что осмысленно помнила Инфа перед пучиной бредовых кошмаров, в которые скользнуло её сознание, это глубокие чёрные глаза женщины с закутанным в белую ткань лицом. А ещё, её ледяные ладони, от которых на миг показалось, что отступает сумасшедшая жажда, так мучившая космодесантника последние часы.

Стремительно развивающиеся события после неудачной посадки, беспощадное солнце этой планеты, и, в особенности, дикие и жестокие её обитатели, что держали её связанной и обращались, как с вещью, не давая ни капли воды, – всё это тренированный организм Инфы переносил стойко. Но когда клыкастые войны потащили её вместе с трупами в барханы, с недвусмысленными намерениями прикончить варварским диким способом... Что-то внутри девушки надломилось и самообладание стало её покидать.

Чудесное спасение ничего уже не соображавшей Инфы показалось курсанту уже сюрреалистическим бредом воспалённого и измотанного обезвоживанием мозга. И молчаливые воины в белых одеждах, что верхом на ящерах возникли из-за барханов, показались ей ангелами, о которых так любила рассказывать прамамина ма. Единственная на ковчеге женщина, в блоке которой имелись предметы культа одной из древних религий Земли.

Поэтому Инфа покорно пошла за беловолосыми загорелыми всадниками ящеров, не пытаясь сопротивляться. Шестым чувством понимая, что люди, освободившие её от верёвок и сетей, напоившие водой с фантастическим вкусом, вряд ли хотят её смерти...

За гранью потери связи с реальностью курсанта ждала непроглядная темнота, в которой не было ни верха, ни низа. Девушка неслась в абсолютной пустоте, где ото всюду к её телу притягивались, как к магниту, звуки и образы. Звуки складывались в непонятные по началу слова, а те, в свою очередь, в более сложные конструкции. Слуховые и зрительные галлюцинации всё нарастали свой бег, проносясь чередой то ли в мозгу, то ли и вовсе сквозь тело Инфы. Во всём этом кажущемся хаосе через некоторое время появился якорь, к которому потянулось всё существо девушки, как к спасительному острову в бушующем океане. И якорем этим стала

боль. Нарастающая и сверлящая. Проникающая в каждую клеточку мозга. И от того более реальная, чем фантастические картины и дикие звуковые сочетания, грозящие унести саму суть Инфы в смертельное безвременье...

Девушка открыла глаза, как-то сразу осознав, что это уже не кошмар. Она сидела позади одного из тех самых беловолосых воинов на спине размеренно шагающего ящера. Широкий полотняный кусок материи туго охватывал её талию, проходил через передние выступы на широком седле и фиксировался несколькими узлами. Благодаря этой нехитрой конструкции, Инфа не свалилась в песок, даже когда была без сознания.

Вокруг, впереди и позади были видны всадники в белых одеждах, чуть правее, параллельно ходу колонны ящеров двигались крытые повозки тех самых клыкастых варваров, что пленили курсанта. Сердце Инфы учащённо забилося в нехорошем предчувствии. Но, присмотревшись, она не увидела ни одного воина с ятаганом. Даже в повозки были впряжены те самые ящеры, что меланхолично тащились по дороге под лучами палящего солнца.

Инфа с радостью осознала, что полна сил, но жажда продолжала мучить её. Курсант с ковчега впервые испытывала настоящий физический дискомфорт в реальности, а не в тренажёре виртуального полигона. И её удивил факт, что обыкновенный недостаток воды может так серьёзно восприниматься физическим телом.

– Очнулась, безволосая? – насмешливый голос, раздавшийся справа, прервал размышления девушки. Она недовольно обернулась. Никогда не любила беспричинных насмешек и всегда давала отпор, даже подругам по блоку. Уже раздумывая, как бы остроумнее ответить этой напыщенной наезднице в кричащем золотом одеянии с безвкусыми, с её точки зрения, побрякушками на поясе, как осознала потрясающую новость... Она понимает собеседницу! Она поняла каждое слово! Великий Космос!!! Откуда? Почему? Тысяча вопросов...

– Сестра сказала, что ты проспидь до вечера, хуманка... а ты крепкая! Чего смотришь? Есть, пить хочешь? – золотая наездница и не думала смеяться. Только теперь Инфа осознала, что перед ней женщина намного старше её. Пожалуй, что и ровесница прамаминой ма...

– Я... вас... понимаю... – только и смогла пролепетать девушка. Но быстро взяла себя в руки и замолчала, поджав губы.

К золотой всаднице подъехала другая, в которой Инфа узнала черноглазую с холодными руками. Она отцепила кусок материи, что закрывал лицо и курсант увидела молодую девушку, совсем немного старше себя, с узким лицом и высокими скулами, серьёзно и пристально вглядывающуюся в лицо Инфы.

– Как твоё имя, хуманка? – приятный, глубокий и обволакивающий голос черноглазой резко контрастировал с сухим и хрипловатым выговором всадницы в золотом.

– Информация. А по-простому, Инфа, – не было необходимости таиться от этих необычных женщин, что спасли её, чего лукавить, от неминуемой гибели.

– Странное имя, хуманка. Сестра увидела в твоих видениях много необъяснимого. Ты заинтересовала меня, Инфа... Доберёмся до Дальсахры, поговорим о многом в зерале... что-то же приметил в тебе старый Джогар... – и, развернув ящера, Ведьма Шаранг в сопровождении воинов удалилась к колонне идущих параллельно повозок. Посадка в седле, манера держаться и речь этой женщины смотрелись столь необычно и... величественно, что Инфа заворожённо проследила за золотой всадницей всё время, пока та не скрылась в голове каравана. Тысячи вопросов продолжали роиться в голове курсанта, она едва сдерживала себя, поглядывая на покачивающуюся рядом в великолепно украшенном седле черноглазую. А ещё здорово хотелось есть и девушка непроизвольно сглотнула скопившуюся слюну.

Черноглазая, заметив страдания Инфы, усмехнулась:

– Молодец! Быстро приходишь в себя, хуманка. Там справа к седлу пристёгнут гарджин... мешок с лепёшками и кожаной флягой. Доставай, ешь, не стесняйся...

– Спасибо, а...

– Меня зовут Зелерин, хуманка, и я буду с тобой весь путь до столицы. Таково повеление Сестры Кхароз, – черноглазая коротко поклонилась, приложив руку к груди и плавно повела ей в сторону удалившейся золотой всадницы.

Инфа запустила руку в объёмистый разноцветный тканый мешок, выудив две небольшие лепёшки. Запах от них шёл просто одуряющий. Не в силах больше сдерживаться, она вонзила зубы в чуть солоноватую мякоть, отдающую травами и наполненную чем-то похожим на синтезированный сыр с ковчега. Но во сто крат вкуснее! Рот наполнился слюной. Восторга девушки не было предела. Настроение быстро стало улучшаться. Собственное положение выглядело уже не таким безнадёжным.

Она свободна, её окружают странные, но хорошо относящиеся к ней люди. Надо это использовать, тем более, что проблема коммуникации непостижимым образом решена. Скорее всего, едущая рядом черноглазая Зелерин обладает какой-то ментальной техникой, позволяющей быстро адаптировать языковую память. Чёрт, как же не хватает знаний! Сюда бы Астру. Вот кто спец по ксенопсихологии гуманоидов! А сугубо биологические знания и боевые навыки Инфы тут не пляшут.

Инфа вновь потянулась к мешку, нащупала ту самую кожаную флягу и с удовольствием утолила жажду, которая от солоноватых лепёшек только усилилась.

Спрятав флягу, девушка только теперь обратила внимание, что пока находилась без сознания, её одели в точно такие же одежды, какие были на всех всадниках. Белые полотняные штаны свободного покроя, просторная тонкая рубаха, прекрасно впитывающая пот и защищающая от солнца и что-то вроде накидки с капюшоном, имеющей зачем-то вертикальные разрезы в области подмышек и шеи. Наверно, для лучшей вентиляции.

Стараясь не быть излишне навязчивой, Инфа обратилась к спутнице:

– А можно задать вопрос, Зелерин?

Черноглазая наездница вдруг широко улыбнулась, обнажив прекрасные белые зубы. В сочетании с белым нарядом и ровной загорелой кожей Зелерин выглядела настоящей красавицей.

– Ха-ха-ха! – смеялась она под стать, запрокидывая голову так, что была видна длинная, изящная шея, – я уж думала, что хуманская девчонка не выдержит раньше, тебя же просто распирает от любопытства!

– Это так заметно?

– Для меня нет ничего скрытого в душах живых... – странный ответ черноглазой породил новые вопросы. Но Инфа решила начать с главного.

– А почему ты называешь меня хуманкой? Так же меня звали и те страшные клыкастые воины, что собирались прикончить...

– Ну ты же и есть хуманка. Дева людского племени, что расселилось много тысяч лет назад на землях других древних народов.

– Хм, час от часу не легче... другие народы... другие расы? Это, как те противные клыкастики?

– Да, только мы их называем орками. Тебя взяли в караване Степных и Чёрных орков, вместе с вон теми невольницами, – Зелерин указала на череду повозок, идущих рядом с караваном беловолосых.

– Уф, погоди, значит ты тоже хуманка? – на этот вопрос черноглазая снова рассмеялась.

– Нет, глупышка. И откуда ты только взялась? Образы, что я видела в твоей голове, столь запутанны... Мне показалось сначала, что ты скорбна душой. Но беседешь и ведёшь себя вполне нормально...

Пристальный взгляд черноглазой пробирал Инфу до мурашек. Но девушка не торопилась раскрываться и рассказывать историю своего появления здесь. Надо было, как можно

больше узнать самой, а затем решить, стоит ли открываться перед этими странными обитателями пустыни.

– Да с головой у меня вроде нормально всё, галлюцинаций нет, не болит, несмотря на то, что ты копалась у меня там, как у себя дома... Зелерин. Без обид.

– Ты странная, Инфа... Я не хуманка. Я дочь народа шаранг. Мы такие же древние на этих землях, как орки и альвы, и многие, многие другие.

– Да? Но ты выглядишь, как...ээ человек...

– Я – шаранг, хуманка! – улыбка сползла с лица черноглазой, – кто же ты, что не знаешь основ нашего мира?

– Хм, а кстати, что это за мир, как называется ваша планета?

Зелерин резко остановила ящера, зарывшегося в песок когтями на перепончатых лапах. Воин, что вёз Инфу, тоже остановился.

– Не знаю, что такое «планета», но наш мир мы называем просто Земля, хуманка...

Глава пятая. Inguz

– Скоро всё закончится, *darnenn*... – знакомый голос вернул сознание орчанке. Едва разлепив глаза, Гудрун попыталась понять, где находится. Какой-то длинный ящик, похожий на хумансовый гроб, сколоченный из грубых досок. Сквозь щели пробивалось достаточно света и воздуха, чтобы рассмотреть внутренности. Мерное покачивание и скрип тележной оси подсказали Ведьме, что её куда-то везут.

Гергудрун устало прикрыла глаза и вновь прислушалась к окружающим звукам. Голос, разбудивший её отдалился, и она вспомнила, что принадлежит он седому изгою с дочерью, которую он называл странных прозвищем *darnenn*. Смутное воспоминание мелькнуло в голове орчанки и растаяло, вытесненное нарастающей болью, готовой, казалось, разорвать голову на части.

Судя по пробивающимся через щели лучам, солнце было довольно высоко. Время! Гудрун, спохватившись, мысленно потянулась к источнику маны. Даже находясь без сознания, она наверняка пересекала линии всемирной паутины Средоточия, и запас магической энергии, хоть и немного, но должен был пополниться...

Орчанка осторожно потянулась к своему дохейю, вместилищу маны и... немедленно зашлась в диком крике, извиваясь всем телом, нещадно обдирая кожу о грубые доски. Страшная боль пронзила тело от затылка до пяток...

По крышке ящика кто-то шарахнул тяжёлым предметом:

– Что, не нравится, шлюха ковенская? Это тебе не руны мерзкие на людей натравливать! Пьявка быстро отучит тебя колдовать, сука!!! Ещё один грохочущий удар по ящику оглушил Гудрун, мышцы которой едва начали отходить от болевой судороги.

Послышался чей-то смачный плевок на доски.

– Ох и свинья ты, Густав... Поглядывай за ней повнимательнее, до вечера ещё далеко и королевский замок не близко!

– Не извольте волноваться, ваше высочество, мои люди всё исполнят в лучшем виде.

– Ты это Бренну и Сколю расскажи, что кормят теперь червей на опушке леса... королевские гарды, мальчишки голоштаные! Если бы не изгой, вы бы все там остались... Единственный степняк вас, хвалёные королевские егеря, больше дюжины положил! Один! Сраный! Орк! – невидимый собеседник заходился в ярости. А тот, кого звали Густавом, на сей раз отмалчивался. – Я надеюсь, Максимилиан, что вы с дочерью выполните обязательства, данные его величеству, и сопроводите пленницу в замок. Я не могу надеяться только на гардов.

– Всё будет сделано в соответствии с договорённостями, ваше высочество. Мы с Ингой заинтересованы не меньше, чем вы. Езжайте спокойно! – снова этот знакомый голос седого.

– Йии-ха! – хлёсткий удар плёткой и удаляющийся стук копыт прервались очередным обмороком Ведьмы.

Снова придя в себя, Гудрун, которую боль, наконец, ненадолго оставила, крепко задумалась. Значит, это изгой прицепили на неё одну из тварей астрала. Плохо... Очень плохо. Пьявка делает любого мага беспомощным всё то время, что паразитирует на его теле. Убить её физически не сложно, но орчанка связана и обездвижена, а вокруг только враги. Королевские прихвостни. Остаётся только ждать, слушать и надеяться на случай.

Позвякивание сбруи и фыркание лошади справа говорило о том, что некий Густав сопровождает её ящик, ответственно выполняя приказ того, кого именовали «высочеством». Им может быть только коронный герцог, брат короля. Цвета и герб на егерях указывали на Эдгара Жадного. Значит, они везут её в Замок Веннор, королевскую резиденцию. Жаль, что это совсем в другой стороне от основного пути, которому следовала Ведьма Ковена с Посвящённым.

Что же за цель движет герцогом, ради которой он захватил в плен Ведьму и пошёл на конфликт с Ковеном? Ведь для него не остался скрытым факт отправки астрального вестника. Изгой вряд ли не посвятили его в подробности...

Хм, теперь понятна ярость этого хуманса! На своих егерей ему плевать, породу подобных этому аристократу Гудрун прекрасно изучила в Варрагоне. А вот невозможность скрыть подобную подлость, страх возмездия вполне могли его расстроить...

Логическая картинка происшедшего не укладывалась в голове у орчанки. Во всех просвещённых землях давно знали, что вездесущий и всеведущий Ковен покушение на жизнь и свободу своей Посвящённой не простит никому.

Будь ты воин или ремесленник, крестьянин или дворянин. Хотя... целый герцог... Но и герцогам, бывает, не удаётся переварить двух пядей стали в живот или убежать от файерболоа, величиной с голову телёнка... Что-то же заставило брата короля или... самого короля пойти на такой риск? Гудрун чувствовала, если она ответит на этот вопрос, то сможет хотя бы включиться в игру...

Ясно одно. Сейчас надеяться не на кого и не на что. Ковен и его виндикты безумно далеко. Нет, новость они получают уже сегодня. Но расстояние и обстоятельства! Против неё...

Пока она была без сознания, егеря смогли уйти далеко от места трагической схватки. Настроение орчанки так же катастрофически омрачала невозможность использовать магические резервы. Конечно, есть последний, крайне опасный выход... Но торопить судьбу не стоит, время ещё есть.

Гудрун не будет скрежетать зубами в бессильной ярости, Грандмастер она, или обоссавшаяся растерянная девчонка!? Вспомнила. И ещё Зоррах... Она должна выжить, выжить и отомстить за этого глупого и смелого степняка, так смешно выглядевшего в те минуты, когда подсматривал за Ведьмой и думал, что Гудрун этого не замечает.

Она станет жить... ради его любви, иначе... иначе духи не простят... Нет, не так. Она сама себе не простит.

* * *

Шум множества ног, скрип петель на воротах, лязг цепей, вонь конюшни и лай брехливых собак прервали полусон-полуявь, в котором на протяжении всего пути пребывала Ведьма.

В этот раз в ящичке было темно, как в могиле. Из-за чего орчанка заключила, что на дворе ночь и егеря куда-то прибыли со своей пленницей. Неужели замок? Странно... По всем прикидкам рановато...

Нет, скорее, придорожный трактир. В чём вскоре и убедилась Гудрун. Её ящик открыли, откинув массивные засовы. Саму орчанку, не церемонясь, вздёрнули за связанные предплечья и поволокли в глухой тупик покосившейся ограды. Целых четыре егеря, прихватив факелы, составляли эскорт. Гудрун внутренне усмехнулась. Боятся... ублюдки... и правильно делают.

На месте один из гардов развязал ей рот, который был закрыт хитрым дырявым кляпом: и на помощь особо не позовёшь, и задохнуться не даст. Ноги были ватными, кистей рук Гудрун уже давно не чувствовала. В мышцах ног поселилась противная слабость.

– Живучая, ссучка... – хлёсткий, несильный, но от того не менее унижительный удар ладонью в кожаной перчатке по лицу, заставил брызнуть кровь из ноздрей. Одежды на орчанке почти не было. Все амулеты, обереги и обручи с неё содрали ещё в лесу. – Оправляйся... быстрее! – один из егерей подсёк её сзади под колени, – некогда тебя ждать! Жрать охота... – Гудрун по голосу узнала того самого Густава.

Если гард думал смутить Ведьму или снова унижить, то он просчитался. Всю дорогу, орчанка стойко терпела позывы к естественным надобностям. Не хватало ещё путешествовать

в ящике, полном собственных испражнений. Посвящённая прекрасно могла контролировать своё тело и плевать хотела на наглых хумансов.

Поэтому, как ей не было трудно, невозмутимо присела и зажурчала весёлым ручейком, отдавая должное редким секундам блаженства. Неизвестно, что ждёт впереди. А с полным мочевым пузырьём особо не повоюешь. Она всегда могла извлечь из любой ситуации положительные моменты...

Егеря брезгливо отступили, а гард не спускал пристального взгляда с пленницы. Заметив, что орчанка закончила все свои дела, Густав медленно подошёл и неожиданно коротко и больно ударил Ведьму ногой в живот:

– Если бы не приказ короля, я бы научил тебя манерам, ковенская шлюха...

Едва отдышавшись и едва борясь с тошнотой, Ведьма прошипела:

– Я с радостью возьму у тебя пару уроков, хуманс, а потом отправлю тебя к твоим друзьям... закончу дело, что начал мой Посвящённый... а пока... лови комплимент! – и, прежде чем Пьявка вновь скрутила болью всё её тело, Гергудрун выплюнула в сторону гарда короткую скороговорку. От которой вздрогнул огонь в факелах егерей, а Густав схватился за пах, – вспомни Гудрун Неистовую, гард! Когда залезешь на очередную шлюху...

Стоящие рядом егеря кинулись к Ведьме, перехватывая ей рот верёвкой и запрокидывая голову. Тонкий визгливый голос Густава захлебнулся рыданием:

– Ссукааа!!! – часть охотников кинулась усмирять рыдающего и хватающегося в отчаянии за оружие гарда. Орчанку, уже связанную заново и с кляпом во рту, продолжали пинать ногами. Она же продолжала глухо хохотать, не обращая на боль в рёбрах никакого внимания...

Утро в ящике было таким же, как и день, и вечер. Казалось, нет в теле орчанки ни одного уголка, где бы не поселилась глухая тягучая боль. Вечернее неповиновение дорого обошлось Ведьме. Правый глаз заплыл огромным синяком. Нещадно саднили рёбра. Егеря били умело. Не сломали ни одной кости. В наказание или, боясь новых фокусов со стороны Гудрун, её не поили и не кормили.

Ночью подморозило, облачка пара из перевязанного верёвкой рта поднимались перед взором орчанки и оседали капельками испарины на поверхности досок.

Мелкая месть Ведьмы Густаву удалась. Теперь этот гард долго не сможет тешить свой стручок. А учитывая, что Ведьма ещё и клеймо на него своим заговором поставила, то Густаву очень долго придётся искать целителя или другую Посвящённую, чтобы избавиться от проклятия.

Гудрун очень надеялась, что тот найдёт именно Ведьму, а уж та разберётся в метке орчанки и гард снова пожалеет, возможно в последний раз в жизни... Посвящённая хихикнула, представив, что может с Густавом сделать другая. Рёбра тут же отозвались на резкое движение.

Рядом послышалось тихое ржание и стук тележных колёс. Подъехала карета или повозка. Зычный голос, заставивший замереть сердце орчанки, сварливо осведомился:

– Что, голова болит? А я тебе говорила, что вчерашние две кружки пива, Гуггенхайм, были лишние. Тем более, эта сволочь, местный трактирщик, подозреваю, его на курином помёте настаивает... чтоб позабористее было. Ненавижу хитрожопых хумансов! Такой напиток испортить... Залезай уже, вон, мастер Холиен уже идёт. Пора трогаться в путь!

– Чего пилишь старика, мамаша? Ну расслабился, с кем не бывает... Давайте, мастер, помогу... Все в сборе?

– Все, мастер Холиен, только вас ждали...

Гудрун замычала, завyla и не обращая на резкую боль, от которой потемнело в глазах начала мотать головой и биться о стенки ящика, пытаясь привлечь внимание друзей. Вот он, тот самый случай!!!

– Чего это там на телеге за гроб? Буянит... кто? – вот же он, спасительный голос квартёрна, совсем рядом...

– Да это королевские гарды поймали главаря шайки разбойников, везут в замок... четвертуют наверно... – усталый и озадаченный голос мамыши Хейген, всего на мгновение подарил надежду Гудрун, – поехали, Холиен, не наше это дело, хумансово...

– Трогай! – с этими словами скрип фургона стал удаляться, пока совсем не затих, заставив без следа растаять так неожиданно появившуюся надежду на спасение...

Вскоре тронулась в путь и телега с её ящиком. Ночью прошёл дождь и колёса периодически увязали в многочисленных ухабах лесной дороги. Гарду, что управлял вожжами, приходилось, ругаясь, спрыгивать и просить егерей подтолкнуть телегу.

Перепалки хумансов и распутица не могли перекрыть радостного щебета и гомона лесных птиц. С крон деревьев периодически капала вода, попадая на крышку ящика, просачивалась сквозь щели, текла по щекам Ведьмы, сцепившей зубы до выступивших желваков. А может это были слёзы досады...

* * *

Как открывали ящик по прибытии в замок, тащили по крутым лестницам и приковывали ржавыми цепями в подвале, Гергудрун почти не помнила. Сознание её впало в какую-то прострацию. Все события происходили словно бы не с ней. И когда с грохотом захлопнулась решётка, а затем и толстая дубовая дверь её каморы, и наступила благословенная темнота, орчанка, до этого момента опиравшаяся спиной на сырую каменную стену подвала, дала волю эмоциям. Она кричала, билась головой о камень, не чувствуя боли, скребла пол, ломая ногти и посылая проклятия несправедливым духам, охотникам, королю и всей его родне до седьмого колена.

Накричавшись и нарыдвашись, она на ощупь в темноте ногой придвинула к себе бадью с дурно пахнущей застоявшейся водой, жадно напилась, не обращая внимания ни на вкус, ни на запах. Окунула разгорячённое лицо и растёрла его руками, длина цепей позволяла.

Старалась не трогать тело Пьявки, так как любое прикосновение наказывалось жуткой режущей болью.

Её не убили, а привезли в королевский подвал. То, как с ней обращаются, однозначно убедило Ведьму в том, что она нужна для чего-то мерзкого. И вряд ли её ожидает хороший конец.

Поэтому, отбросив сомнения, Грандмастер Рунной Магии стала готовится к последнему и единственному выходу из ситуации. Полное отсутствие маны и невозможность её пополнить означает для мага крах. Для любого, кроме...

Кроме высшего посвящённого в таинство рун. Руки Гудрун относительно свободны, а земляной пол в достаточной мере доступен для начертания. Нет освещения, так это не беда. Всё, что нужно, орчанка помнит наизусть, а для точности начертания есть пропорции собственного тела.

Ведьма внутренне горячо поблагодарила наставницу за вбитую в память Посвящённой много лет назад науку. Хоть Мать Хыдырагх и находится давно за Гранью, пусть духи берегут и греют её душу!

Гергудрун трудилась всю ночь, несколько раз вымеряя и вычисляя радиусы построения рунной пентаграммы. Пьявка вела себя спокойно, так как орчанка не потратила ни грана маны. А зачем? Пентаграмма после начертания накопит её за считанные часы достаточно.

Уже под утро, сев на пятки в центре начертанной фигуры, Ведьма погрузилась в воспоминания. Все приготовления сделаны и уйти навсегда в нижний необитаемый горизонт Астрала она может в любую минуту. Тело её останется в реальном мире, будет уязвимо, но душа уже не будет страдать. Тюремщики просчитались... И пусть ей самой выйти из этого состояния не удастся, остаётся надежда что кто-то из Посвящённых всё же освободит её тело и отвезёт в

Цитадель Ковена. Зыбкая, несбыточная надежда. В особенности потому, что достаточно уничтожить тело орчанки и душа её так и останется пленницей Астрала на веки вечные.

Гудрун медлила. Для активации достаточно было незамысловатого движения пальцами, но... проклятое любопытство! Невыносимо хотелось узнать, зачем она понадобилась хумансову королю...

Спустя некоторое время, когда терпение Гудрун готово было лопнуть, за толстыми дверями послышалась возня, потянуло промозглым воздухом подземелья пополам с горелой вонью чадивших факелов. Дверь открылась и в темницу стали входить поочерёдно, сначала гвардейцы охраны Эдгара Жадного, выстраивающиеся цепочкой у стены, затем его высочество герцог Веннорский, тощий и длинный, как жердь, хлыщ в кавалерийских сапогах. И, наконец, сам король.

Хуманс небольшого роста и малопримечательной внешности с залысинами на голове и маленькими суетливыми ручками, непрестанно находящимися в движении. В данный момент они поминутно подносили к величественному носу кружевной платок. Делегацию гостей завершали две загадочные личности. В серых дорожных плащах с наброшенными капюшонами, которые скромно встали у выхода.

Огонь множества факелов превратил осветил самые отдалённые уголки темницы и Гудрун похвалила себя за предусмотрительность: линии пентаграммы были забросаны клочками гнилой соломы, что служила подобием постели узникам, пользующихся королевским гостеприимством.

– Что же это ты, братец, мне товар подпортил? Стыдно пред покупателями, – внимательные и холодные глаза короля ощупывали безучастно сидящую орчанку.

– Она цела, Эдгар... немного помята, но это всё та же Ведьма Ковена. Посмотри, татуировки, символы, знаки посвящения! Не ниже второй ступени... Согласен, мои люди перестарались. Но пойми и нас, государь. Она со своим телохранителем отправила за Грань половину отряда егерей!

– Ну, ну, Филипп, не набивай себе цену. Я знаю, как ты относишься к древним. Не будем обсуждать. Задачу ты выполнил. Уговор я помню. Король всегда платит свои долги.

– Свежо предание...

– Не забываетесь, герцог! – король перешёл на визг и немедленно взял себя в руки, – всему своё время. Вы получите сполна вашу награду, но только после выполнения всех условий сделки нашими гостями, – король недвусмысленно повернулся к фигурам в серых плащах, что так и стояли у двери.

Молча переглянувшись, таинственные незнакомцы прошли к королю под бдительными взглядами гвардейцев:

– Хумаанссс, – едва слышный шёпот, раздавшийся из-под капюшона, заставил пробежать холодок по спине Гергудрун, – мы оссмотрим Ведьму...

– Смотрите сколько влезет. Но до полной оплаты, только на расстоянии.

– Хорошо, хумаанссс... – незнакомцы стали в двух шагах от сидящей орчанки. Та продолжала изображать транс и сквозь приспущенные веки и спутанные волосы, упавшие на лицо, внимательно следила за каждым движением незнакомцев в капюшонах.

Яркий свет факелов контрастными тенями скрывал их лица; но руки, нервные тонкие пальцы, оплетённые тончайшей паутиной мелкочаеистых цепочек белого металла, что плели паучью сеть незнакомых орчанке фигур, насторожили Гергудрун. Незнакомцы, приблизившись, расположились по сторонам, едва не касаясь условной границы пентаграммы. На кончиках пальцев того, что справа засветились ядовито-зелёные огоньки.

– Я же сказал, никакой магии! Или я позову изгоев! – суровый окрик короля тем не менее не смог скрыть дрожи в голосе.

– Хумаансс... ты боишься... Не надо изгоев... Мы верны слову... Хороший товар... – стоящий справа незнакомец начертил в воздухе пылающими пальцами сложную фигуру, которая тут-же вспыхнула, осветив камеру ещё ярче и пропала без следа.

Ведьма почувствовала, что тянуть дальше не стоит. Любопытство может дорого обойтись:

– Ингуз!!! – выкрикнув, орчанка прочертила пальцем последнюю недостающую руну пентаграммы. Окружающий мир подёрнулся знакомой серой пеленой астрала. Упругая сила буквально выпихнула душу Ведьмы из тела. Спутанным сознанием и угасающим зрением Гергудрун ещё успела заметить, как безвольно обвисло на цепях её тело, а шквал сильнейшего ветра погасил факелы в камере...

* * *

– Идиоты!!! Повешу!!! – истерический визг короля наполнил камеру гротескным эхо. Лязгнули двери темницы. Потянуло мерзким и холодным духом подземелий.

Под потолком вспыхнул небольшой шар клубящегося пламени, озарив растерянные лица гвардейцев и перекошенную физиономию Эдгара Жадного с трясущимися губами.

Неизвестные в капюшонах склонились над телом орчанки. Свечение на пальцах одного из них усилилось, зелёные лучики, казалось, пронзают безвольное тело Ведьмы насквозь, упираются в пол камеры и растекаются по тускнеющим линиям пентаграммы.

– Ты обманул нас, хумаансс... и ты пожалеешь... – от шёпота незнакомца показалось, что тени за его спиной сгустились.

Между королём и неизвестными немедленно встал седой изгой, воздвигая призрачную стену пламени, от которой фигуры в капюшонах поспешно отпрянули.

– Никакого обмана, уважаемые гости. Всё в соответствии с договором. Вам нужна была Посвящённая Ковена. Живая и здоровая, лишённая связи с источником. Всё выполнено в точности...

– Но она ушла в астраал...

– Не с помощью магии... Тёмный, – лицо седого изгоя выражало неприкрытую ненависть к незнакомцам.

Пауза неприятно затянулась, позволив гвардейцам вновь разжечь факелы и сплотиться вокруг короля, сдвинув щиты.

Стоящий незнакомец молча повернул голову в капюшоне к всё ещё сидящему у тела орчанки собрату. Тот провёл ещё раз вокруг Ведьмы руками, истекающими зелёным светом, и заключил:

– Изящшноо... ты не учёл, что она Рунный Мастер, изгооой... Я исправлю ошшибкуу... не здесь... – он встал, и незнакомцы быстро заговорили на тихом певучем наречии. Их совещание длилось недолго.

Оба, как по команде, скинули капюшоны. Надменное застывшее выражение смуглых лиц, поблескивающие красные белки глаз, кожа, покрытая тонкой вязью рельефных татуировок, живущих собственной беспокойной жизнью...

Дроу.

Тёмные альвы. Раньше только за намёк о контакте с представителями этой расы любого простолоудина сажали на кол... Времена изменились.

В глазах стоящих впереди гвардейцев промелькнула тень суеверного ужаса.

Один из дроу, по плечам которого рассыпалась копна чёрных жёстких волос, отцепил с пояса плоский кожаный короб и поставил его у ног короля.

– Здесь всё, что ты просил, хумаансс... мы забираем Ведьму с собой. Маг моего Дома, – он указал на своего спутника, худого и абсолютно лысого дроу с серебряным обручем на голове, – построит портал на вершущке одного из донжонов замка.

Седой изгой, не спеша, присел перед коробом, открыл его, посветив себе факелом. Молчал с минуту, рассматривая содержимое, затем удовлетворённо улыбнулся краешком рта и, повернув лицо к королю, молча кивнул.

– Хм, приятно иметь дело с обязательными лю... альвами. Максимилиан! Проводи гостей в восточную башню, – король принял короб от седого и торопливо вышел, сопровождаемый гвардейцами и шумом гремящих доспехов.

– Прошу, – изгой учтиво уступил дорогу дроу, вновь набросившим на голову капюшоны.

В молчании троица прошла извилистыми коридорами темницы. Высокий альв с лёгкостью нёс тело орчанки, перебросив через плечо. Он даже не удосужился отстегнуть цепи, просто разорвал их несколькими движениями рук. Изгой только молча подивился столь чудовищной силе Тёмного князя.

Подъём по крутой лестнице донжона занял четверть часа. Дроу уверенно шагали в полной темноте позади седого. Его факела едва хватало для освещения крутых поворотов лестницы.

Свежий ветер на верхушке башни свистел в узких бойницах. Над замком занималось раннее утро. Густой туман, словно дырявый саван закрывал окрестный лес. Верхушки сосен и елей вековыми часовыми равнодушно взирали на показавшийся над горизонтом кровавый диск солнца.

Поднявшись на площадку донжона, изгой терпеливо отступил к краю, дожидаясь, когда дроу покажутся сами.

Тёмный маг, не откладывая, стал раскладывать кристаллы для порталной гексаграммы. Изгой с завистью следил за его работой. Порталисты – большая редкость среди магов, а уж о существовании таких у дроу Максимилиан узнал сегодня впервые.

– Ты терпелив, хуманс, – из речи князя куда-то делись растянутые гласные. Опустив свою ношу, он незаметно оказался прямо перед изгоем, – ты тоже должен получить свою плату... *darnenn*, – на ладони дроу поблескивал фиал тёмного стекла.

Седой стараясь, чтобы его движение не выглядело порывистым, бережно принял драгоценный эликсир и спрятал в поясной кошель.

– В другое время, изгой, тебя и твою ублюдочную дочь мои воины скормили бы подземному огню, чтобы ни одна капля крови дроу...

– Я знаю! – излишне резко прервал угрозу князя седой, – но король вам ещё нужен, а я необходим королю...

– Придёт время, хуманс... придёт и твоё время... – князь дроу отвернулся от изгоя.

В этот момент с тихим гудением на площадке появилась алая арка высотой в полтора человеческих роста. На этот раз маг дроу сам взвалил на плечо тело орчанки и молча скрылся в дрожащем мареве портала. Князь перед тем, как шагнуть за собратом, обернулся:

– Ты жив, Максимилиан, только благодаря священной памяти моей сестры...

Наступившая за схлопыванием портала тишина показалась изгою пронзительно звонкой. Но никакие угрозы проклятого дроу не могли омрачить радости отца. Его дочь будет жить! А за Ингу он готов рассориться хоть с Ковеном, хоть со всеми альвами вместе взятыми, хоть с королём...

Мало кто из знакомых Максимилиана мог бы сейчас узнать в этом радостно улыбающемся немолодом человеке вечно мрачного седого изгоя из свиты короля Эдгара Жадного.

Глава шестая. Inguz и Uruz

Это были совершенно новые ощущения! Река... нет, океан маны. Лоос купалась в потоке Средоточия, не замечая вокруг себя ничего. Пустота внутри наполнилась за считанные мгновения, и эйфория магической сытости заставила каждую клеточку тела Богини вибрировать в унисон универсуму.

Казалось, окружающая лесная чаща стала свидетельницей падения на землю звезды, сияние которой стало в Астрале просто нестерпимым, унося по пульсирующим струнам в разные уголки мира весть о новой Богине. Лоос с торжеством отметила, как метнулись в ужасе от её ауры астральные твари, скрываясь в сером мареве горизонта.

В реальном же мире сонную лесную поляну Средоточия наполнил быстро тающий жемчужный туман, пронизанный чернильными разводами следов магии Тёмных Эльфов, которые постепенно собрались сначала в бесформенные сгустки у ног замершей в восторге Лоос, затем начали плотно облегать стопы, великолепные голени и бёдра эльфийки и, наконец, заключили в плотный корсет её грудь. Последним штрихом ребристые наручи охватили предплечья Богини.

Живой доспех! О таком Королева Тёмных могла раньше только мечтать. Точно такой был у отца. Дриады, воспитывавшие маленькую Лоос, с суеверным трепетом рассказывали о нём противоречивые легенды. Будто бы доспех мог отвечать на мысли хозяина... А что, если?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.